

25 Června 1934.

Volné Kozáctvo

Ročník VII.

25-го июня 1934 г.

155

25-го червня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Константин Поляков: * * (Verše).
 2. И. К. Скубани: К Родине. (Verše).
 3. С. Чепурной: Странник. (Verše).
 4. Борис Кундрючков (+): Святки в Родном Краю... под игом. (Verše).
 5. Сергій Савицкий: Козацькі діти. (Verše).
 6. Петр Крюков: Сказ Донского Баяна. (Verše).
-
7. Спасибо! (Diky!).
 8. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 9. Е. Якименко: Памяти бойца. (Památce bojovníka).
 10. А. Ленивов: Ген. Богаевский и судьба капиталов В. В. Д. (Gen. Bogajevskij a osud jmění Vojska Donského).
 11. С. Савицкий: До Epio. (A Herriot).
 12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 13. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Югославия. — Д. Р. — Исполнено. Привет.
София. — М. С. — Послано. Привет.
Париж. — М. К. — Исполнено. Привет.
Болгария. — П. К. — Получено. Ответ — письмом.
Привет.
Болгария. — М. Т. — Ответ — письмом. Привет.
Торонто. — М. Ф. — Исполнено. Привет.
София. — С. К. — Ответ — письмом. Привет.
Польша. — Д. С. — Бортонские в-к. значки до Б. Круга не будут выдаваться никому. Привет.
Париж. — Д. Л. — Исполнено. Привет.
Тулуза. — И. К. — Получено. Не стоит выносить всего того на свет... Не так уж то страшно, т. к. все то — лишь болтовня.
„Соборность“ — сестра „единонеделимству“.
Судьба обоих — одинакова. Привет.
Станичнику. А. — Не стоит. Они сорвутся сами. В конце концов „уши“ вылезут, кое кто их и теперь уже видит. Привет.
Италия. — Н. П. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Андальс. — И. Б. — Получено. Привет.
Челаконице. — А. С. — Посылаем. Привет.
Воло. — Е. А. — Получено. Привет.
Польша. — И. К. — Чем больше глупостей будет делать „оппозиция“, тем для нас лучше. Так что пусть продолжают. Привет.
Братислава. — Н. Н. — Возможны, конечно, всякие решения, но не все. Может быть Вы и правы — есть, несомненно, среди „оппозиции“ те, кто не прочь похоронить и весь казачий вопрос, но это им не удастся. Конечно же, принявшие подданство, гарантировали себя, так сказать перестраховали, и ничем не рискуют, „устроявая“ наши дела. Почему И. Б. не отвечает на нападки? — скажем коротко: когда компания переживает и начинает буянить, надо, чтобы кто-нибудь, в интересах дела, оставался трезвым... В свое время будет суд казачий, тогда все разберем... Стыдно не только Вам за „разошедшихся“; думаем, что если не сегодня, то завтра стыдно будет и некоторым „оппозиционерам“, — не всем пожалуй... Эти последние пусть забавляются и впредь — мы будем делать свое дело дальше. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

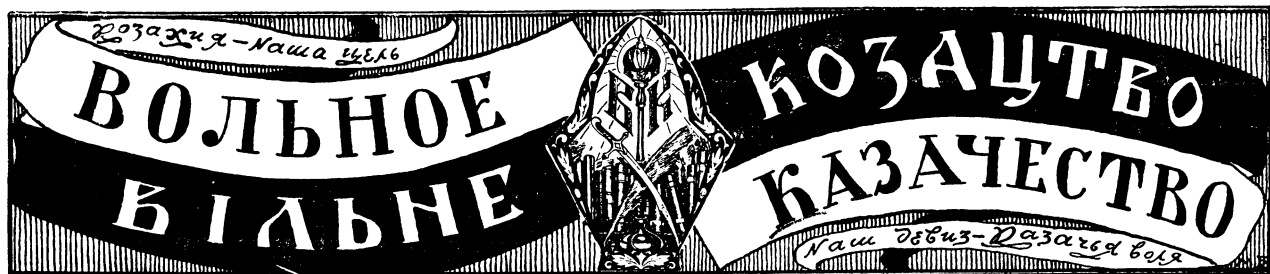
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Всем вольным казакам.

Ввиду предстоящей перемены адреса редакции нашего журнала, настоящим предлагается всем вольным казакам с 1-го июля не посылать в редакцию писем и иной какой корреспонденции до выхода следующего номера и объявления нового адреса редакции.

Трагедия Казачества часть II вышла отдельным изданием.

Цена 5 к. ч. За границу — 3 международных почтовых купона.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchecoslovaquie.

№ 155

Понедельник, 25 июня 1934 = Понеділок, 25 червня 1934.

№ 155

Константин Поляков. (Прага).

* * *

Ничего, что, ища эти яркие розы,
Мы изранили руки шипами...
Пусть сверкают над нами разящие грозы, —
Рождены мы в степи казаками.
Колыбельную песню нам пели бураны;
Сказки нам ковыли нашептали;
Берегли сон наш крепкий седые курганы,
Покоряя безгранные синие дали.
И росли мы, как вольные смелые птицы...
Наши гнезда — степные станицы,
А полет наш могучий — без края,
Ни межи, ни препятствий не знает.
И стал ведать о нас старый мир...
Бог наш — подвиг, отвага — кумир.
Мы свободы и равенства дети;
Мы их первые знали на свете.
Пусть тернами опутан наш путь...
Но, покада вздымается грудь
У донца, у кубанца и терца,
У того, кто так любит Яик,
Еще страшен оскал наших пик.

И. К. Скубани. (Румыния).

К РОДИНЕ.

Ты — моя муза священная,
Ты — мои лучшие грезы,
Песня, во век незабвенная,
Славного прошлого розы...
Сердце изгнанника-воина
Только тобою согрето,
Только тобою настроена
Скромная лира поэта...
Слышишь — стихи вдохновенные
Льются над миром уснувшим?
Грусть и тоска в них безмерные,
Слезы о счастье минувшем,
Стоны души, изнывающей
В цепких объятиях муки...
Слышишь — во тьме окружающей
Тихо рыдают те звуки?..

С. Чепурной. (Франция).

СТРАННИК.

И дни, и ночи, целыми годами —
В полдневный зной и в стужу зим —
Хожу с клюкой, с котомкой за плечами,
Судьбой безжалостно гоним.
Как долго из страны в другую
Скитался я, ненужный, всем чужой!
Но наконец нашел тропу родную
В далекий Край мой дорогой.
Иду туда... Вокруг смеются,
Преграды ставят на моем пути
В след мне проклятия несутся, —
Но не боюсь! Мой долг — итти.
Мой путь не убран яркими цветами,
Не создан и для славы громовой...
О, сколько их с прекрасными мечтами
Уснуло здесь — сраженные судьбой!
Измученный опасной, трудною дорогой,
Я тоже, может быть, споткнусь и упаду
И, как они, — забытый и людьми, и Богом, —
На пол пути от жизни отойду.
Струится пот с лица, слабеют ноги,
Камнями острыми изранены они...
О, как мне хочется на край дороги
Присесть и отдохнуть в терновника тени!
Но я иду. Там, в синеve тумана,
Отчизны образ предо мною всплыл,
И чуть заметный крест святого храма,
Сияньем ослепив, придал мне сил.
Там отдохну! Сниму котомку,
Клюку поставлю, сяду где-нибудь
В тени садов и потихоньку
Вдохну отчизны аромат в больную грудь.
И буду слушать, тихо засыпая,
Напевы чудные седого кобзаря
О светлых днях Родного Края,
О странниках таких же, как и я.

Борис Кундрюцков. (†)

Святки в Родном Краю... под игом.

(Пьеса, поставленная в Белграде в 1930 г.).

- Дед: Эх, бабка... Поглядишь в окно, —
Такая темь... ни зги не видно,
Все степи снегом занесло...
Чу... Вой волков... Эх, как обидно,
Что Рождество Христово прежде
Не то бывало, что теперь...
Я помню, деточки в надежде
На угощение стукнут в дверь...
С мороза со звездой цветною
Все, раскрасневшись, войдут
И песни дружно гурьбою
Калядочные пропоют...
Посыпят пол кругом пшеницей,
Поздравят с светлым Рождеством
И, награжденные сторицей,
Усядутся за стол рядком.
И, торопясь скорей к соседу,
Набивши сладким полный рот,
Прервут нестройную беседу,
Встают... И вот уж у ворот
Других их голоса взывают,
Как колокольчики звенят,
О празднике святом вещают.
Глядишь — и наших нет ребят.
Схвативши поживей котомки,
Летят во тьму... и след простыл,
Лишь крик за дверью слышен громкий...
И кум с кумою приходил
Кутьи отведать и... горилки...
На праздники плясали так,
Что месяц ныли все поджилки —
Наурская, лихой гопак
И казачек с казачкой стройной.
- Бабка: С платочком... этак и вот так!
- Дед: Пирог готовила трехслойный.
- Бабка: С неделю в доме кавардак:
Готовишь, стряпаешь, стираешь.
Ну, прямо, на столе битком.
Не ест никто, коль угощаешь —
Все сытые... Медком
Олады мягкие помажешь...
И шум, и гам со всех сторон...
- Дед: На третьи сутки только ляжешь,
Наевшись, как толстый слон;
Напляшешься и напоешься,
Навеселишься на... пять лет.
Потом и за плужок возьмешься,
И от работы горя нет:
Легко стругаешь, починаешь;
Глядишь — весна... Конец зимы...
Вот так, как время вспоминаешь
Былое, плачем горько мы...
(Плачут)
- Бабка: Ушли сыны наши давненько,
И где сейчас они живут...
- Дед: Не плачь, родная Марусенька, —
Придут сыны наши... Придут.
Пускай нас хамы разоряют,
В Сибирь ссылают — все равно!
Казачество живет! Пусть знают,
Что наши дни недалеко,
Что вновь Кубань и Терек с Доном
Освободятся от цепей,
И встретим мы с церковным
Своих вернувшихся детей.
- Бабка: Уж десять лет...
- Дед: ... Пускай хоть двадцать!
Мы — те же все. И наш народ
Такой, как был!
- Бабка: ... Ну, что ты... двадцать...
Не каркай, дед. Закрой свой рот.
Смотри — растут кругом детишки:
Девченки, шустрые парнишки...
Они забыли уж о всем...
(Стук в окошко)
- Дед: Там кто-то стукнул за окном.
Кто там?.. Молчат. Кто там стучится?
Кто ночью бродит по двору?
Кому в святую ночь не спится?
Но что я вижу? — Детвору.
Открой скорее, бабка, двери.
Детишек целая толпа.
Ну, что глядишь? Или не веришь?
На старости стала слепа?
(Входят дети)
- Дети (поют): Рождество Твое, Христе Боже наш...
(По окончании говорят и кланяются)
С праздничком, с Рождеством Христовым!
Дай Бог молодой хозяйшке и молодому
Хозяину и курей, и утей, и жирных поросят.
- Дед (приседая от радости): Вот так нашли молодых!
Пару глухих да слепых...
Ну, садитесь, голубята.
Хоть бабка наша небогата,
А может быть, чего для вас и припасла —
Чи сухаря, или мосла...
- Бабка (взволнованно): Да перестань ты, дед, смеяться!
Там где-то есть у нас еда,
И будет в сундуке валяться
Игрушкам! — Все неси сюда.
Подарим нашим казачатам
За их внимание и почет...
- Дед (хватаясь за голову): Гостей... Гостечков... Цела хата.
Во-от где Казачество живет!..
(Уходит. Бабка всех рассаживает, гладит по головам, маленьких целует и все время вытирает слезы.
Возвращается дед с мешком подарков и со старым бандуристом).
- Дед: А вот еще один станичник:
Наш старый дедушка-гуслиар.
Хотел его один опричник-
Красноармеец в темный яр
Завесть и расстрелять на месте,
А я пристал к нему: пусти!
И стали тут просить мы вместе —
Два старика. Ну, он: иди!
Махнул корявою рукою,
Револьвер спрятал, да в кусты.
- Бандурист: И мне уже, друзья, не скрою,
Совсем мерещились кресты...
С печальной жизнью я прощался,
Готовясь в мир уйти иной.
Спасибо, ваш старик попался...
- Бабка: Все Бог, соколик дорогой.
На все Его святая воля...
И в Праздник светлый Рождества
Окончилась твоя неволя...
.....

Дед:

Поведай нам для торжества
 Казачью старую былину
 О том, как прадеды, отцы
 Пришли в кавказскую долину,
 Какие были молодцы,
 Какие были атаманы,
 И чьи насыпанны курганы
 В степи — старинные — стоят,
 И кто с оружием шел к нам в гости,
 И чьи головушки лежат
 Под снегом, и какие кости
 О мести к Богу вопиют...
 Пропой, соколик. Наши годы
 Пусть для детей воскреснут вновь:
 Бои, труды наши, походы,
 Самопожертвование, кровь
 И к Краю крепкая любовь,
 Как мы дралися на Карпатах
 И в Персии и на конях
 Переплывали реки. В прах
 Мы крепости все обращали,
 Пред нами страны трепетали.
 А женщины... *(закручивает ус и подмигивает).*

Бабка:

... Довольно врать.
 Ты лучше детям дай послушать
 И перестань-ка, дед, орать.
 Давайте, детки, будем слушать —
 Певцу казачьему внимать...

Бандурист:

О прошлом мне уж не поется.
 Спой вам лучше про живых:
 О том, как им без нас живется
 В краях далеких и чужих.
 О том, как в тягостном изгнаньи
 Они, несчастные, живут,
 Как мучат их воспоминанья
 И снова в Край Родной зовут...
 Они все страны заселили:
 В Белграде, в Софии живут
 И день освобожденья ждут.
 Там Представительства, Станицы,
 Там Курени и Хутора,
 Казачки — милые сестрицы,
 Усатые там вахмистра...
 Штандарты старые, насеки
 В огромных ящиках лежат...

Их сербский воин стережет,
 А дед Кокунько бережет...
 Но не схоронены навеки:
 Они нам снова воскресят
 Всю славу прежнюю и силу!..
 Напомню вам, как бились мы,
 Как толпы вражие косило
 Лихое Войско... Эх, полны
 Геройства славного страницы.
 Но... враг силен: не своим духом
 Сломил казачие станицы —
 Числом! И побежденные ушли...
 И только слухом
 Теперь о них мы все живем...
 Но знаем, что они нас помнят,
 Увидим мы их в светлый час.
 О жизни ж нашей пусть напомнят
 Вам песни. Слушайте сейчас...
(Поет: „Встає хмара за лиману“).

Дед:

О горе струны напевают...
 О запорожцах спой нам, лира!
(Банд. поет: „Ой і не горазд запорожці“).

Казаченок:

Про білий явір спой, дідусь!
(Банд. поет).

Бабка:

От грустных песен разревусь...
 Повеселее спой нам, старый!
(Банд. поет: „Йіхав козак за Дунай“).

Бандурист:

А теперь вы, казачата,
 Не грустите, а живей
 Потанцуйте нам, ребята,
 Чтоб жилося веселей!

(Лезгинка. Дети танцуют. Во время танца, к концу, бандурист обращается к деду)
 Бандурист:

Да и ты не падай духом!
 Жив казак! Не пропадет!
 Подтяни единым духом
 Песню нашу в свой черед...

(Играет „Скинув кожух на полицю“. Дети пляшут казачка. Дед старческим голосом подпевает. Бабка улыбается, но глаза ее полны слез).

Занавес.

Декабрь 1930 г. Белград.

С. Савицкий *(Бразилия).*

КОЗАЦЬКІ ДІТИ.

О, діти козацькі, нещасні діти,
 Як будете жити тепер ви у світі?..

Не маєте батька: подався десь за море,

А вас притиснуло маленькими горе...

Червоні злодії зайшли у станицю
 Й забрали до зерна козацьку пшеницю.

І голод заглянув до вашої хати.

Ой, горенько люте!.. А де ж ваша мати?

— Щодня виганяли її на роботу, —
 Як віл працювала на зайдів-голоту...

І крихтами хліба ділилася з вами,

Нераз умиваючись, бідна, сльозами.

Гадала, як вернеться літо багате,

Тоді вона вижене голод із хати.

І літо настало. Пшеницю скосили...

Нещасній, на сміх, лише сніп уділили!..

У голоді діти, і босі, і голі...

Пішла їхня мати збирати у полі

По свіжій стерні колосочки пшениці,

Щоб дітям змолоти на жорнах мучиці

Та хлібець спекти, хоч на-пів із корою,

Бо голод закрався до хати з косою...

Верталась до дому в руках з колосками...

— Стій! — крикнув до неї чекіст за снопами

І лютий підскачив, наставив рушницю:

— Звідки несеш ти, козачко, пшеницю?

— Та я на стерні колосків назбирала, —

Йому перелякана мати сказала:

— Я дітям голодним несуч колосочки, —

Не рухала ваші державні сніпочки...

— Злодійко! ми знаємо вашого брата:

Совітську державу ти знищити рада...

Так знай же, козачко, не мала ти права

Збирати по стерні колоски де-попало.

Що з голоду згинуть твої козачата, —

Не буде совітській державі утрата.

За ті ж колоски, що маєш ти пару,

Від нас, по закону, понесеш цю кару:

І стрілив з рушниці до матері в груди...

... Колись і на тих людодів суд буде!

О, діти козацькі, нещасні діти,

Як будете жити тепер ви у світі?..

29-III-1934.

Петр Крюков. (Франция).

Сказ Донского Баяна.

Серебристый ковыль, поклонися земле!
Не шурши над рекою, зеленый камыш! —
Песнь казачью родную петь надобно мне.
Край Родимый! Сказ вольный услышь!

За курганом зорька утром загоралась.
Степь тиха... ни звука. Только пелена
Редкого тумана к небесам вздымалась.
Чуть восход светает; степь еще темна.
Опустив поводья скакуну донскому
И бессильно руки на луке сложив,
По толоке дикой, по степу донскому,
Едет конник, мрачно голову склонив.
Гей! Ты, одинокий конник! Что за думы
Голову казачью взяли во ясырь?
Или переметные опустели сумы?
Или ты не любишь степовую ширь?
Иль у иноземцев полюбил девицу,
Да, знать, не казачья долюшка-судьба
Привезти с собою в родную станицу?..
Или изменила Воле голытьба?
Что ж, скажи, болезный: ретивое мучит?
И какие думы голову сверлят?
Иль на Дон Великий Русь веревку сучит?..
Брось тоску-кручину, не тужи ты, брат!
— „Кабы всех приказных с Дону нам прогнать;
Кабы всю „святую“ Русь пройти с мечем;
Кабы на Дону всех тум перестрелять, —
Был бы я веселым, вольным казаком!
Кабы сбить Московцев в ихнюю берлогу —
В глубь лесов, в болота, к черту на рога;
Кабы нам очистить вольный шлях-дорогу, —
Мне на это дело — жизнь недорога!
Если суждено мне за свой Дон погибнуть, —
Что-ж! Ведь не два раза буду умирать!..
Верю, что несчастья дни для Дона сгинут,
Буду Дон пред смертью я благословлять...
Разверну харунку я казачьей воли!

А чтоб смуту сеять по России всей,
Мужикам в награду посулю я доли:
Русский чтобы с русским дрался как шальной.
Не поймут, быть может, мой порыв могучий,
Мою мысль — от рабства отстоять наш Дон...
Старшина-то Войска смотрит грозной тучей,
А Корнюшка — крёстный... Эх, да что мне он?!
Я семью имею — не окинешь взглядом!
Гикну — и на клич мой всколыхнутся тьмы!
И всю Русь, что хочет быть над Доном паном,
Отшвырну на север — в царство сатаны!..
Ишь, как будто ласка, старшину обходит
Хитрая лисица — старая Москва:
Нынче — Бог единый (вокруг пальца водит!),
Завтра — язык русский и посулов тьма...
Нет!.. Ни Бог единый, ни язык славянский
Нам, Донцам, преграды к воле не чинят,
И над Доном — русским не царить по пански:
Казаки свободу кровью отстоят.
Мне судьба, быть может, — на российской плахе
Голову казачью положить на век,
Но, мой Дон родимый, не царить собаке
Над Тобой, К а з а ч и й, никогда, во век!
Я погибну, может... Но, минувши время,
Явятся на смену мне мои сыны —
С Дона и Народа смело сбросят бремя!
Слава вам и слава, вольные орлы!“
... На бок сбив папаху, подобрав поводья,
Гикнув на донского диво-скакуна,
Конник одинокий полетел в раздолье...
Занялась над Доном новая заря.

Не звени ты над степью, родимый ковыль,
Не шурши над рекою, зеленый камыш, —
За курганом далеким вздымается пыль,
Вольный гик рвет безмолвную тишь!..

16-I-1934 г.

Díky!

Šest a půl roku tomu kdy z české Prahy rozléto se první tištěné slovo Volných kozáků. Za tu dobu — od 10. prosince 1927 do 25. června 1934 — vyšlo 155 čísel našeho časopisu v české Praze. Již tímto začátek Volnokozáckého hnutí — v myšlence všech Volných kozáků — navždy je spojen s Prahou. Tuto skutečnost nikdo a nic nezastítní v paměti kozácké. A tak spolu s historií počátku kozáckého osvobozenického hnutí vejde Česká, Slovanská Praha do nové historie Kozáctva.

Nyní nás vedou naše hlavní cíle v jinou zem ku pokračování našeho zahraničního programu. Opouštíme Prahu a odnášíme si nejlepší vzpomínky pro naše působení zde a pro dobrý poměr různých činitelů mladé republiky k nám Kozákům.

Upřímné díky bratřím Čechoslovakům.

Спасибо!

Шесть с половиною лет тому назад в Праге чешской раздалось первое печатное слово вольных казаков. 155 номеров нашего журнала — 10 декабря 1927 — 25 июня 1934 — вышло в Праге чешской. Тем самым начало Вольноказачьего движения — в представлении всех вольных казаков — тесно связано с Прагой. И этого представления никто и ничто уже не уничтожит в памяти казачьей. И вместе с историей начала казачьего освободительного движения чешская, славянская Прага войдет в Новую Историю Казачества.

В настоящее время, на следующем этапе нашей заграничной деятельности, наши основные задачи ведут нас в иную страну. Оставляя ныне Прагу, мы уносим с собой самые наилучшие воспоминания о нашей здесь работе и об отношении к нам, казакам, молодой Чехословацкой республики.

Спасибо братьям чехословакам!

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Окончание II части).

События в тылу.

Выше мы в общих чертах, основываясь на документальных данных, остановились на описании событий на фронте зимою и весною 1919 г. По данным большевистского командования мы точно установили, какие задания ставило это командование для своих армий в этот период борьбы, какие силы пускало в ход для достижения поставленных целей. Точно также мы проследили, хотя в главных моментах, действия русского белого командования и остановились на установлении количества и качества тех боевых русских сил, которыми располагало это командование. Принуждены мы были остановиться и на характеристике взаимоотношений Казачества с внешними, иностранными силами, которыми тогда являлись державы Антанты.

Мы установили, что главной и исключительной задачей красных армий на Южном фронте было уничтожение казачьих вооруженных сил и покорение Казачьих Земель или, как сказал Л. Троцкий, присоединение Казачьих Земель к России. Мы видели, что в многочисленных кровопролитных сражениях в Донецком бассейне, на р. Донце, на р. Маныче, в южных степях Украины казаки железной рукой не только остановили натиск красных полчищ, но постепенно растащали русские большевистские армии, наконец разбили их и жалкие остатки еще зимою 1919 г. грозных сил погнали за пределы своих земель. Деникин говорит: «В начале мая на всем фронте от Донца (левый фланг Донской армии) до Азовского моря в стане большевиков наступил моральный перелом» (т. V. стр. 84.).

По нашему, это суждение не отвечает действительности. Совершенно не является возможным установить какой-нибудь небольшой промежуток времени, в который у нашего противника «наступил моральный перелом». Начиная с весны 1918 г. большевистские армии последовательно проигрывали каждое сколько-нибудь значительное сражение с казаками. Вспомним всю историю боев донского войска против большевистских армий; начиная с весны 1918 г. и кончая зимою 1919 г., донцы всюду, в конце концов, разбивали большевистские войска.

Большевистские успехи на донском фронте зимою 1919 г. объясняются моральным переломом, который, благодаря многим и сложным причинам, временно охватил донских казаков. Но уже на р. Донце и в Донецком бассейне всего 15-ти тысячная донская армия в феврале — апреле 1919 г. в множестве кровопролитнейших и упорнейших боев постоянно разбивала большевистские ударные группы, численно и вооружением во много раз превосходившие донские войска.

Вспомним всю почти 8-ми месячную историю борьбы Кубанского казачества за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа. Кубанцы также последовательно и постоянно разбивали большевистские армии, ибо на стороне казаков было моральное превосходство и беззаветная храбрость. Вспомним походы казачьих ударных полков по большевистским тылам в марте (казачий рейд на фронте Горловка — Азовское море), в апреле, мае и июне (казачий поход из района селений Дивного — Приютного в тыл 10-й армии, прорыв на р. Донце, новый поход Кубанцев и Терцев по большевистским тылам до р. Днепра и до самого г. Белгорода севернее Харькова). Как в бессмертном произведении Н. В. Гоголя, — где появился казачий полк, — там была улица, где прошла казачья сотня, — там был переулочек среди большевистских полчищ. Вспомним и историю борьбы Верхне-донских повстанцев, руководимых всего только обер-офицерами: сонм большевистских агитаторов, десятки тысяч до зубов вооруженных большевистских войск, грозные приказы Вацетиса, Троцкого и Ленина не могли сокрушить казачьего восстания. И недаром боль-

шевистский русский главноверх, Л. Троцкий, восклицал: «Южный фронт — казачий фронт». Недаром Ленин все время настаивал на том, чтобы все силы русских красных войск были направлены именно против казаков...

В этой титанической борьбе Казачества против красной России самую незначительную боевую роль в западной части Донецкого бассейна, в Таврии, в Крыму или на Маныче играли русские действительные добровольцы. Говоря так, мы совершенно не собираемся преуменьшать того героизма, который был присущ русским добровольцам. Но их было так мало, что они не были в силах удержать даже небольшого сравнительно участка фронта в Юзовском районе. И казаки принуждены были постоянно спасать и положение на фронте дивизии Май-Маевского, и самих добровольцев. Буквально то же самое было и в 1918 г. во время борьбы за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа.

Казачий корпус Шкуро бил большевиков там, где хотел, и тогда, когда хотел, в тех самых районах, где под ударами плохо организованных большевистских войск перед этим в прах разлетелась Крымско-Азовская русская армия.

Донские войска последовательно разбивали ударные большевистские группы в районе г. Луганска.

Но корпус Май-Маевского также часто отступал в районе Юзовки под ударами плохо организованных партизан «батяка Махна», Онищенко и др.

Одна казачья конная дивизия ген. Топоркова совершила знаменитый рейд Славянск — Изюм — Купянск — Белгород, а сборный корпус Кутепова на р. Маныче самостоятельно не мог осуществить ни одной сколько-нибудь заметной боевой операции.

Казачья конница и пехота били большевиков на широких просторах земель от реки Калмиуса до р. Днепра, а в это время корпус ген. Шиллинга отсиживался на Акманайских позициях недалеко от города Керчи под защитой союзного флота, действовавшего со стороны Черного и Азовского морей.

Словом, ни количественно, ни качественно русские вооруженные силы, руководимые Деникиным, ни в какой степени не соответствовали той политической роли, которую русские люди играли или старались играть на Казачьей Земле. За период зимних и весенних боев стало совершенно ясным, даже для русских патриотов, что государства Антанты своих войск для борьбы против русских красных армий не дали и не дадут. Уже завершилась весьма печальная история Одесского и Крымского союзных десантов.

Лицом к лицу на фронте кровавой борьбы стояли одна против другой две силы: Россия красная и Казачество. В среду казачью внедрилась русская «белая мечта», стремившаяся сделать непосильное для себя и гибельное, в конце концов, для Казачества дело — использование казачьих вооруженных сил для разрешения спора между красной и белой Россией.

И в то время, когда казачья конница и пехота, истекая кровью, громили армии красной России, в тылу у них велась упорная и сложная борьба сил, действовавших на Казачьей Земле. Для умных русских людей, могущих спокойно присматриваться к жизни, настроениям и желаниям толщи народной и умеющих делать объективную оценку борющихся сил на Казачьих Землях, должно быть совершенно ясным, что русское белое движение не только не встретило сочувствия и активной поддержки со стороны казачьей народной массы, но эта масса отбрасывала как претензии русских людей взять в свои руки управление этой массой, так и желание русских белых вождей двинуть казачьи полки для достижения именно тех целей, которыми руководствовались эти белые русские люди.

Донское Войско, считавшееся русскими людьми за исключительно русское войско, через двести лет подчиненного положения в русском государстве, объявило существование своего независимого государства, установило Основные законы, свой флаг, свой гимн, завело свою особую присягу на верность служения Всеволому Войску Донскому, организовало свою армию.

Второй год Дон был в состоянии упорной, беспощадной, а потому и кровавой войны с Россией. Донцы умирали, донские станицы все больше и больше наполнялись вдовами и сиротами от ударов русских пуль, русских штыков и русских сабель. Логика этой войны была грозная, но совершенно проста и ясна.

Собирали ли донские силы донской казак — русский монархист, или донской сознательный самостийник, стремящийся освободить Дон от русского владычества вообще, собирал ли их просто донской патриот, еще не сформулировавший и не выяснивший своего отношения к России, — положение дел от этого не менялось: Дон на полях брани именно против русских войск решал надолго свою судьбу.

Также не меняет положения и то, кто собирал русских людей в красные армии для похода на Дон — был ли это красный Ленин или Троцкий, был ли это русский красный генерал Сытин, или полковник генштаба Егоров, или бывший народный учитель, или кооператор... Русская армия шла завоевывать Дон. И снова неважно, по каким внешним или внутренним мотивам это совершалось — ради донского хлеба или угля, или ради насаждения идей социализма и коммунизма. Важно то, что было основным и характерным: русские многотысячные армии шли завоевывать Казачьи Земли, и собралось этих русских людей с оружием в руках не меньше того, сколько их в 1380 г. выступило с Дмитрием Донским против Татар, и в несколько раз больше того, что имел Петр I в 1709 г. в битве со шведами под Полтавой.

Еще яснее было дело с Кубанью. Рада отбросила все претензии русских людей на политическую и военную диктатуру над собою. Все постановления Рады по основным вопросам красноречиво говорят об этом. Кубань отбрасывала русскую белую идею и на ее место ставила идею необходимости объединения народов и земель именно для защиты общими силами от наступающей России.

Но одновременно проводилась и определенная русская политика среди Казачества, отдававшего все свои силы на борьбу с красными русскими армиями. В обращении Донского Круга к донским войскам 4 февраля, как мы знаем, писалось о том, что на помощь Дону спешит Добровольческая армия, хотя в действительности с Кавказа на Дон передвигались тогда Кубанские и Терские казачьи полки. 1 мая Донской Круг тоже писал, что Добровольческая армия „стала непоколебимой стеной“... (подписали: П. Дудаков, П. Скачков, Н. Пономарев, I. Зенков, К. Попов, М. Горчуков, Б. Уланов). Очевидно всякие способы действий были хороши для достижения русских целей. Казачество должно было проникнуться мыслью, что его спасают, ему активно и серьезно помогают русские люди во главе с Деникиными.

Однако, близорукые казачьи вожди должны были понимать, что от такого прославления Деникина красные армии не станут слабее, а слабые силы русских добровольцев не увеличатся. Расплата за такую явно ошибочную казачью политику наступила позже и повергла Казачество в русскую красную неволю.

Духу донской и терской официальной политики того времени, без сомнения, соответствовало Кубанское Правительство Ф. Сушкова, установленное на Кубани после победы русской группы на Кубанской Раде во время выборов Кубанского Атамана в декабре 1918 г. Мы уже говорили выше о том, что это Правительство выступило перед Кубанской Законодательной Радой 29 января 1919 г. с декларацией, в которой возвестило, что через несколько дней кубанские войсковые части будут выделены в отдельную Кубанскую армию; говорило об удовлетворении потребности всех национальностей, населяющих Кубань; что объединение молодых государств оно мыслит только в форме союза и т. д.

После прекращения в конце февраля зимней сессии Кубанской Краевой Рады, в Екатеринодаре продолжала работать Кубанская Законодательная Рада. Была сделана попытка заменить Правительство Сушкова новым правительством во главе с представителем кубанских самостийников. Переговоры представителей этой группы по этому поводу с Атаманом Филимоновым окончились ничем, так как ген. Филимонов, действуя в полном контакте и согласии с ген. Деникиным, не согласился легальным путем передать исполнительную власть в Кубанском Крае в руки кубанских самостийников. Ген. Деникин по этому поводу говорит следующее:

„Не считая возможным переход власти в крае всецело в руки самостийников и, вместе с тем, избегая неизбежно кровавого переворота, мы — и я, и Филимонов — выходили естественно на скользкий и зыбкий путь компромиссов“ (Ден. т. IV, стр. 55).

Это заявление Деникина авторитетно вскрывает завуалированную прямую связь действий выборного Кубанского Атамана с ген. Деникиным.

Вскоре после срыва переговоров о перестройке Правительства Сушкова, это последнее перешло в решительное наступление против кубанских самостийников и распоряжением 9 марта 1919 г. закрыло совсем печатный орган самостийников, газету „Кубанский Край“, и типографию, где печаталась эта газета, реквизируя для нужд Правительства. Этот шаг Правительства Сушкова был объявлением открытого боя самостийническому течению на Кубани, представители которого играли видную роль среди членов Зак. Рады, перед которой было ответственно Кубанское Правительство.

Как видно из документов, кубанские самостийники, в свою очередь, сделали целый ряд шагов с целью парализовать единое не делимую политику этого Правительства и не допустить вообще усиления политической власти Деникина.

Ген. Деникин, не добившись подчинения Кубани его власти во время работ Краевой Рады в конце 1918 г., вместе со всеми своими единомышленниками решил исподволь все же подчинить себе Кубань. На протяжении выдвигались те или иные жизненные вопросы и предлагалось разрешать их общими силами Кубани, Дона, Терка и Добровольческой армии. Так как представители Дона и Терка, обыкновенно, поддерживали в то время „объединительную политику“ ген. Деникина, а Правительство Сушкова также шло навстречу стремлениям русских людей прибрать Казачьи Земли к своим рукам, положение кубанских самостийников все время становилось весьма и весьма тяжелым.

На стороне Деникина были в то время официальные руководители политики на Дону, на Кубани и на Терке; Деникина поддерживала многочисленная русская пресса, заливавшая Казачество своею русскою пропагандой; в то же время единственная на этих землях газета самостийного направления „Кубанский Край“, как мы отметили выше, была закрыта 9 марта. Военные миссии Англии, Франции и Италии всецело поддерживали ген. Деникина.

В то же время кубанские самостийники не встретили никакой поддержки ни со стороны Грузии, ни со стороны Азербейджана, а территория Украины была театром непрекращающихся военных действий между большевиками и украинскими войсками, загнанными почти к самому Збручу, войны между повстанцами и большевиками, войны между казаками и большевиками, между добровольцами и большевиками. У кубанских самостийников в то время не было прямой связи с центром украинского освободительного движения. Для кубанских самостийников наступил, казалось, период полной изоляции, близкой к ликвидации...

При всех этих объективных весьма тяжелых условиях борьбы кубанские самостийники свою работу, как видим из исторических данных, направили, с одной стороны, в народную кубанскую массу, и с другой, за границу, в державы Антанты, военные миссии которых своей поддержкой Деникина затрудняли борьбу. Не имея материальной возможности для возобновления из-

дания самостийнической газеты или хотя бы журнала, кубанские самостийники обратили весьма серьезное внимание на ведение устной информационной работы среди населения Кубани, устной пропаганды определенных идей. Кубань была разделена на районы, и в эти районы посылались члены Кубанской Законодательной Рады для докладов как на официальных собраниях выборных представителей станицы, так и на общих собраниях населения станицы. Беседы членов Рады на этих собраниях и отдельно с выборной станичной администрацией подтверждали правильность политической линии поведения, установленной Кубанской Краевой Радой на осенней сессии 1918 г. и на зимней 1919 г.

Было также обращено большое внимание на связь с фронтовыми частями. Работа в этом направлении облегчалась постоянной циркуляцией казаков между станицами и фронтом: на фронт почти беспрерывно шли новые пополнения, возвращались выздоровевшие раненые или больные, а с фронта непрерывной вереницей направлялись в станицы все новые и новые раненные на фронтах борьбы против красной России.

С своей стороны, и фронтовые казаки по своей инициативе устанавливали постоянную связь с Законодательной Радой... Казачество возмущалось до глубины души появлением „картузников“ в казачьих частях; глубоко возмущались далеко неравномерным распределением обмундирования между казачьими и добровольческими частями: казаки указывали на то, что русские части были вооружены далеко лучше, нежели части казачьи; казаки протестовали против того, что их посылают на службу в добровольческие части (исключение составляли те немногочисленные казаки, которые, стараясь уклониться от фронта, с радостью принимали назначение в Деникинскую печальную славы „государственную стражу“)...

Уже зимою и особенно весною 1919 г. казачья масса видела, что ее обманывают в большом и неотложном вопросе организации Кубанской армии... Масса казачьего населения начала глухо роптать всюду в кубанских станицах... Только беспрерывные, чрезвычайно жестокие бои на фронте, бесконечное перебрасывание кубанских дивизий с одного фронта на другой, постоянная угроза большевицкого прорыва к Ростову и Новочеркасску со стороны Донецкого бассейна, грозный прорыв к самым границам Кубани 10-й советской армии и вызванные этим поголовные мобилизации казачьего населения прифронтовой полосы, — не давали кубанским казакам возможности как следует вдуматься во все обстоятельства тяжелой борьбы на фронте и в тылу и сделать необходимые выводы. Кроме того, казачья масса верила тогда еще в то, что выборные казачьи представители, которые занимали высокие посты в Кубанском Крае — Атаман, члены Правительства, члены Законодательной и Краевой Рад — сделают все необходимое для облегчения жестокой войны и приближения желательного ее успешного окончания...

Весьма упорные и ежедневные бои на фронтах, внутренняя неурстроенность Кубани, вся политическая и военная обстановка на широких просторах земель от Днепра и до Урала не позволяли кубанским самостийникам пойти на применение силы оружия в тылу для установления на Кубани такой исполнительной власти, которая бы повела дело борьбы с большевиками в желательном направлении. Нужно сказать, что некоторые весьма видные самостийники в своей среде предлагали уже ранней весной 1919 г. применить именно этот способ разрешения затянувшегося на Кубани спора между сторонниками России, с одной стороны, и решительными защитниками самостийности, с другой. Одно время покойный председатель Кубанской Краевой Рады, Н. С. Рябовол, в тесной среде кубанских самостийников поднимал вопрос о необходимости принятия Кубанью протектората одной из иностранных держав с целью спасения края от нашествия красных русских армий (конкретно речь шла об Англии, в сферу влияния которой входила, как известно, территория всего Кавказа). Однако, ни путь открытого военного переворота, ни принятие протектората Англии не были приняты. Вместо того было решено вести борьбу шаг за шагом, борьбу упорную и последовательную, как за укрепле-

ние и охранение от русских посягательств кубанской государственной самостоятельности, в надежде, что последующие события будут благоприятствовать в большей степени успеху той борьбы, которую начала Кубань в 1917 г., так и борьбы в направлении облегчения боевых действий кубанских полков на фронте.

На русскую политику Правительства Сушкова, на работу этого правительства в направлении подчинения Кубани Деникину, самостийники ответили целым рядом мер, явно парализующих единонеделимческую политику этого правительства: Кубанский, выбранный Кубанской Законодательной Радой, Краевой контролер ввел предварительный контроль на все финансовые операции правительства; сама Рада широко использовала право вопросов правительству; не было допущено проведения в жизнь ни одного мероприятия, которое бы усиливало или расширяло в какой либо степени власть Деникина на Кубанский Край... Словом, в ежедневной практической работе политика кубанских самостийников приходило к столкновению и борьбе с единонеделимческой политикой русских людей во главе с Деникиным.

Русские люди свою единонеделимческую работу, обыкновенно, прикрывали „интересами общего дела“, пользой государственной, даже интересами самой Кубани. Так они, русские люди, со времени похода с Дона на Кубань делали беспрерывные попытки подчинить русским генералам не только кубанские военные силы, но и хозяйственную жизнь Кубанского Края. Они под разными предлогами старались подчинить Деникину дело снабжения как армии, так и населения, кубанские желез. дороги, почту, телеграф и т. д. Совершенно естественно, русские кубанцы шли навстречу желаниям Деникина, но защитники независимости Кубани от русских белых вождей не смели допустить проведения в жизнь этого желания русских единонеделимцев. По этому поводу ген. Деникин публикует следующие данные:

„Наконец, крупный вопрос единства снабжения также не получил разрешения. 12 и 13 марта под моим председательством состоялось совещание представителей Добр. армии, Дона, Крыма, Терек и Кубани по вопросу об объединении дела продовольствия и товарообмена на Юге России в одном коллегияльном органе при главнокомандующем. Все представители пришли к соглашению, кубанцы отказались... 26 марта было утверждено мною положение о „Совете по продовольствию“, фактически не осуществленное, благодаря противодействию кубанцев“ (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 59).

Стремление единонеделимцев подчинить себе кубанские железные дороги тоже было отвергнуто. То же самое было и в вопросе о почте и телеграфе. Известный помощник Деникина по опутыванию казаков в русские сети, проф. К. Н. Соколов, по этому поводу говорит следующее:

„Зато Кубань продолжала „самостийничать“ и срывала все объединительные начинания. После долгих переговоров в феврале было достигнуто объединение в руках Главного Начальника Военных сообщений заведывания путями сообщения, почтой и телеграфом. Оно оказалось неполным, благодаря сопротивлению путейского ведомства Кубани. Кубань сделала невозможным и намеченное и подготовленное позднее объединение продовольственного дела, на которое с охотой соглашались Дон и младший член казачьей семьи, только что освобожденный Терек“ (Правление Деникина, стр. 89).

Между кубанскими „русскими людьми“ и кубанскими самостийниками основное различие заключалось в том, что кубанские „русские люди“, а между ними и генерал Филимонов, выступая перед Краевой Радой, торжественно и льстиво называли ее Хозяином Земли Кубанской, но фактически делали все, чтобы Кубанский Край подчинить Деникину; в то же время кубанские самостийники не только на словах, но, главное, на деле старались создать такое положение, чтобы на Кубани Кубанская Краевая Рада, как законный представительный орган населения Кубани, была действительным хозяином, действительной Верховной Властью в Кубанском Крае.

И если эта Рада только недавно, 13 февраля, по-

становила поручить Кубанскому Правительству не позже марта того же года созвать Конференцию из представителей новых республик, если правительство Сушкова, по соглашению с Деникиным, не созывало этой Конференции, а вместо нее на свет Божий появлялись различные проекты „объединения при главнокомандующем“, напрасно русские люди делали из себя ничего не понимающих и обиженных простачков, когда встречали такое решительное и бескомпромиссное сопротивление со стороны Кубани. Совершенно напрасно русские люди, опираясь на официальных представителей Дона и Терека и на русское Кубанское правительство Сушкова, делали усилия подчинить себе Кубань в каком-либо отношении. Все эти попытки ограничить путем обмана государственную самостоятельность Кубани отбрасывались кубанскими самостийниками.

Та же участь постигла и стремление русских людей установить общий Сенат для всех земель, силою казачьего оружия освобожденных от большевиков. Один из организаторов этого Сената, Чубинский, по этому поводу говорит следующее:

„Со стороны Кубани явно ощущалось недоверие и скрытая, но вполне определенная неприязнь к Главнокомандующему и его Особому Совещанию... Кубань признала этот вопрос (о Сенате) не спешным, а потому отложила его на рассмотрение. Позже она также ни разу к его рассмотрению не возвращалась...“

... Если бы к соглашению примкнула и Кубань, мы имели бы перед собой непрерывную и компактную территорию с Сенатом, как символом известного единства и солидарности“ (Донская Летопись, кн. I, стр. 143).

Кубань искала соглашения с новыми государственными образованиями, но совершенно не хотела путем частичного разрешения различных государственных вопросов постепенно подчиниться русским людям во главе с Деникиным. И нет ничего удивительного в том, что, как констатирует Деникин: „Таким образом, ни один из важнейших вопросов взаимоотношений Кубани с Добровольческой армией разрешен не был. Весь наш совместный путь был усеян крупными и мелкими столкновениями, расхищался бесконечными компромиссами и вел к неизбежному разрыву“ (Деникин, IV, стр. 60).

При таких условиях между правительством Сушкова и большинством Законодательной Рады разгорелась жаркая борьба, которая передавалась в станицы и на фронт и вызывала там неблагоприятные для укрепления государственной жизни Кубани и противобольшевистского фронта последствия. Вместо объединения и общего подъема в тяжелой борьбе, могли наступить разложение, общая политическая неразбериха, упадок духа.

Правительство Сушкова продолжало упорно вести русскую политику, больше заботясь об укреплении власти русских людей над Кубанью, нежели о благополучии последней. К организации Кубанской армии, о существовании которой было торжественно и публично возведено приказом Кубанского Атамана 1 февраля 1919 г., ни Атаман, ни правительство и не приступали, и все заявления ген. Деникина и ген. Филимонова по поводу организации этой армии, сделанные ими в феврале т. г., оказались очередным обманом кубанских казаков, нарушением постановления Краевой Рады..

Прорыв 10-й большевистской армии на Маныче в апреле месяце и сведения, поступившие, в конце концов, от Кубанской Заграничной делегации об общем отношении Союзников к борьбе на территории быв. России принудили большинство Законодательной Рады внимательно присмотреться к тому, что происходило вокруг. Прибывшие в Екатеринодар после пасхальных каникул члены Кубанской Рады привезли сведения о растущем недовольстве по станицам Кубани.

20 апреля Законодательная Рада заслушала документы, полученные от Кубанской Заграничной делегации, обсудила общее положение и в тот же день вынесла следующее решение:

„Заслушав сообщение Председателя Кубанской Законодательной Рады Л. Л. Быча — главы делегации, отправленной Кубанской Краевой Радой в Париж, и принимая во внимание данные, содержащиеся в полученных от делегации документах, а равно реальную

обстановку переживаемого момента внутренней и внешней жизни, Кубанская Законодательная Рада:

1. Констатирует безусловную необходимость срочного, полного и искреннего выполнения всех предначертаний Краевой Рады — Державного Хозяина Земли Кубанской;

2. Заявляет, что с своей стороны приложит все усилия к скорейшему проведению в жизнь в полной мере начал истинного и широкого демократизма, невзирая ни на какие преграды, чинимые как представителями анархии, так и реакционными кругами;

3. Выражает полную уверенность, что Кубанский Край не останется одиноким в настоящий момент чрезвычайного напряжения всех его физических и духовных сил в тяжелой борьбе, с одной стороны, с анархо-большевизмом, и с другой, с реставрацией монархии, за лучшие идеалы демократизма и права жить;

4. Искренно сожалеет, что некоторые круги зарубежной демократии неправильно представляют себе условия, ход и цели нашей борьбы, каковому пониманию нашего дела не мало способствовали и способствуют наши враги;

и 5. выражая уверенность в том, что, несмотря на всю трудность условий работы, кубанская делегация достойно выполнит возложенные на нее многочисленные обязанности, Рада переходит к очередным делам“.

Нужно сказать, что это постановление Кубанской Законодательной Рады было принято после того, как члены Рады в перерыве ее сессии, с 27 марта до 15 апреля, обехали станицы Кубани с информационными докладами и на местах ближе ознакомились с настроениями населения. Первый пункт этого постановления, как видим, подчеркивал „безусловную необходимость срочного, полного и искреннего выполнения всех предначертаний Краевой Рады — Державного Хозяина Земли Кубанской“. Это значило, что Законодательная Рада требовала от Правительства немедленной организации Кубанской Армии, созыва Конференции из представителей молодых государств для выработки и подписания союзного договора, осуществления земельного закона об отобрании земли у помещиков, укрепления государственной самостоятельности Кубани.

В это время черные грозовые тучи снова нависали над Кубанью и над всем Казачеством: 10-я армия перешла Маныч, и ее передовые части появились под Батальском у Ростова и на границах Кубани; 9-я, 8-я и 13-я советские армии и группа войск Махна делали все новые и новые усилия, чтобы согнуть и смять железную подкову казачьих войск на фронте р. Дона, г. Луганск, Дебальцево, Мариуполь. Как мы отметили выше, ген. Деникин в своей телеграмме на имя Донского Атамана, поданной в день принятия Кубанской Законодательной Радой выше приведенного постановления, 20 апреля, говорил: „Положение Донского фронта признаю грозным“. Эти слова в полной мере отвечали действительному положению на фронте.

Деникин и все русские его сторонники и пособники среди казаков должны были понимать, что требование Кубанской Рады срочного и искреннего осуществления постановлений Краевой Рады является требованием населения Кубани. Сама жизнь диктовала безусловную необходимость осуществления желаний населения Кубани, которое уже понесло такие страшные кровавые жертвы при освобождении Кубани от советских войск в 1918 г., при бесперывных боях на полях Старополюской губ. и Терской области, в Донецком бассейне и на р. Маныче. Требование организации Кубанской армии было законным, морально оправданным и жизненно необходимым.

Можно думать, что одно время ген. Деникин в достаточной мере понял значение постановления Рады. По крайней мере, уже 24 апреля начальник штаба генерала Деникина, ген. Романовский, писал ген. Врангелю между прочим следующее:

„У Вас, вероятно, был уже Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создала, что почти все кубанские части собрались на царичинском направлении, и мечты кубанцев иметь свою армию

могут быть осуществлены. Это главнокомандующий и наметил исполнить "... (Врангель. Записки, кн. I, стр. 130).

Однако, через совершенно короткий промежуток времени, Деникин оставил мысль о создании отдельной Кубанской армии, почему начальник штаба его послал ген. Врангелю дополнительное телеграфное раз'яснение, говорящее о том, что

„Об'единение кубанских частей в армию с наименованием „Кубанской“ не должно быть понимаемо, как признание какой-либо зависимости этой армии от Кубанского правительства и расширения прав последнего в отношении кубанских войск“ (там же).

При этом Врангель поясняет, что Кубанский Атаман Филимонов, бывший в это время у Врангеля, „сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию „Кубанской“, признав, что раз по существу вопрос не разрешен, то лучше вновь формируемой армии дать название Кавказской Добровольческой... Тут же за обедом составили телеграмму генералу Деникину, каковую подписал Кубанский Атаман и я“, поясняет Врангель (там же, стр. 132).

Выходит, что тот самый Кубанский Атаман ген. Филимонов, который перед святым крестом и евангелием, на площади в Екатеринодаре перед Войсковым собором, в присутствии всей Кубанской Краевой Рады, его избравшей в Атаманы, перед Кубанскими войсковыми регалиями, торжественно клялся провести в жизнь закон об организации отдельной Кубанской армии; тот самый Кубанский атаман Филимонов, который 1-го февраля 1919 г. собственноручно подписал и опубликовал приказ, возмещавший:

„Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую армию... С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским Краем, об'единяются в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне“... (Деникин. Очерки. т. IV, стр. 58), — теперь, как видим, этот Атаман за вкусным обедом подписал телеграмму, говорящую о том, что никакой Кубанской армии нет, и к организации ее и не приступлено.

Кубанцы разбили 10-ю сов. русскую армию на р. Маныче, захватили при этом 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов, опасность миновала, и русские генералы, вместе с Кубанским Атаманом ген. Филимоновым и кубанским военным министром, ген. Науменко, продолжали далее обманывать Казачество и крепче впутывать казачьи полки в русские единоеделические сети. А в это время кубанские кизаки обильно своею кровью поливали и своими трупами покрывали и черные холмы Донецкого бассейна, и солонные Манычские и Сальские степи, умирая за те идеи, которые провозгласила Кубанская Краевая Рада. Черная измена и самое подлое предательство со стороны своих и чужих губили героические казачьи усилия, блестящие казачьи победы.

Обстоятельства борьбы сложились так, что самостоятели в Кубанской Законодательной Раде принуждены были стать на путь открытой борьбы с Кубанским правительством Сушкова, бывшего послушным исполнителем воли Деникина. Решено было сделать попытку удалить это правительство. 26 апреля большинство Законодательной Рады пред'явило Кубанскому правительству следующий запрос:

„Известно ли Кубанскому Краевому правительству, что внутренняя политика его, осуществляемая агентами правительства как на местах, так и в центре, изобилует фактами, нарушающими элементарные права населения, как людей и граждан:

а) производятся расстрелы и повешения без суда и следствия,

б) производятся истязания, изнасилования женщин, а также,

в) аресты и содержание в заключении без пред'явления обвинения.

Все эти случаи имели место в станицах Таманского отдела, куда по распоряжению правительства послан так называемый карательный отряд...

Известно ли Правительству, что в то время, когда

распоряжением его насильственно прекращено существование прогрессивных периодических печатных органов, свободно процветают газеты монархические и провакационные, издаваемые на краевые средства при культурно-просветительном отделе Кубанского Краевого правительства, преследующего явно реакционные цели, издается газета „Об'единение“ с программой и направлением, явно противоречащим основным положениям, принятым Кубанской Краевой Радой, а в официальном органе Кубанского Краевого правительства — „Вольная Кубань“ — помещаются статьи, направленные к дискредитированию Кубанской Законодательной Рады.

Известно ли правительству, что в то время, когда в Екатеринодаре чинятся всякие препятствия деятельности рабочих организаций, преследующих чисто профессиональные цели, в г. Армавире происходит съезд известного своей реакционной деятельностью, организованного и поддерживаемого крупными землевладельцами Кубанского Края, так наз. „Казачьего Круга“, постановления коего дискредитируют направление политической мысли в Крае, вытекающей из постановлений Краевой Рады (примечание: Казачий Круг вынес на апрельском съезде постановления, призывающие население Кубани строить единую и неделимую Россию, поддерживать Деникина и т. д.). Все эти факты, вместе взятые, нарушают постановления Кубанской Краевой Рады, противоречат провозглашенным на Кубани началам свободы и народоправства, служат для большевиков орудием их преступной агитации и, волнуя население, поселяют недоверие к нашим конечным целям — укреплению народоправства и победе над большевиками“.

Для всех ясно было, что этот запрос пред'явлен был с целью внести решительное изменение в положение дел на Кубани. Поэтому поднялась в русской прессе неистовая агитация против Куб. Зак. Рады. В самой Раде велась весьма острая внутренняя борьба между сторонниками правительства Сушкова и его противниками. В конце концов, 4 мая Законодательная Рада открытой поименной баллотировкой, большинством 34 против 16 и 6 воздержавшихся, приняла следующее решение: „1) Заслушав и обсудив объяснения Краевого Правительства по поводу пред'явленного ему 26 апреля с. г. запроса о внутренней политике Правительства и признавая данные Правительством объяснения неудовлетворительными, Законодательная Рада переходит к очередным делам; 2) Признавая дезертирство изменой Краю и Родине и предательством по отношению к своим братьям, доблестно и честно выполняющим свой долг на фронте, Законодательная Рада признает настоятельно необходимым вести самую энергичную, беспощадную и планомерную борьбу с этим позорным явлением“.

Нужно сказать, что внутренняя борьба на Кубани между защитниками самостоятельности Кубани и сторонниками Деникина нашла свой отклик на Дону и на Тереке. Не было простым совпадением событий появление на свет Божий 1-го мая обращения Донского Круга к восставшим казакам Верхне-Донского округа, обращения, которое восхваляло Добровольческую армию и, особенно, ген. Деникина. Велась сложная игра: за кулисами русские и кубанские генералы решили все-таки не дать Кубани своей армии, а публично Донской Круг писал, что не казаки, а именно ген. Деникин гонит 10-ю большев. армию: „За Доном по Сальским степям Деникин гонит красные банды, стремясь овладеть Царицыном“... говорил Донской Круг.

Все же правительство Сушкова принуждено было уйти, и на его место 12 мая стало правительство Курганского, коалиционного состава. На посту военного министра остался ген. Науменко. Появление нового правительства внесло значительное успокоение во внутреннюю жизнь Кубани.

Однако, в большей степени теперь выявилась борьба в вопросе об отношении к России, а значит и к тому делу, которому служило все русское движение во главе с Деникиным и Колчаком. Во второй половине мая 1919 г. загорелась вновь на Кубани острая борьба в вопросе об организации самостоятельной Кубанской

армии. Естественно, самостийники Кубани добивались немедленного проведения в жизнь закона об армии, а кубанцы сторонники неделимой России всячески тормозили осуществление этого закона. Вместо организации самостоятельной Кубанской армии еще правительство Сушкова разработало и внесло в Раду „Штаты походного атамана“.

Законодательная Рада, рассмотрев этот вопрос, в заседании 20 мая отвергла „Штаты походного атамана“ и предложила новому Правительству срочно разработать и предложить на рассмотрение Зак. Рады штаты армии. Военный министр Науменко подал в отставку, а 21 мая в закрытом заседании Зак. Рады выступил Кубанский Войсковой Атаман ген. Филимонов с весьма пространной и горячей речью, в которой между прочим говорил следующее:

... „Кубанская армия фактически существует, что бы и кто бы ни говорил о том, что это не то, что нужно. Я, Войсковой Атаман, заявляю, что Кубанская Армия, как таковая, существует. Ее признают все: и общественное мнение, и печать, и союзники определенно ее признают. Несколько дней тому назад я присутствовал на обеде, где Адмирал Сеймур, представитель Великобритании, заявил о Кубанской армии — в отчетах Правительства об этом помещено, — что Кубанская армия совершает чудеса храбрости и ведет дело к спасению родины. Я считаю необходимым доложить, так как в отчетах газетных об этом не сообщалось, и, возможно, Вы ничего не знаете. Я утверждаю — фактически армия существует, потому что, по моему мнению, ярлык, название дела не меняет... Я могу заявить, что среди штаба Добровольческой армии и командного состава я встретил полное сочувствие в этом направлении. Я считаю также необходимым заявить, что энергичное содействие я встретил со стороны генер. Врангеля и Юзефовича... Теперь, когда обстановка складывается для нас в высшей степени благоприятно, когда задачи всего фронта, всей Добровольческой армии Кавказской разрешаются необыкновенно удачно, — этот вопрос, конечно, ставится мною и генералом Науменко на первую очередь. С этой целью я был у ген. Деникина в Торговой и у генерала Врангеля в Ростове, где провел время исключительно в разрешении этого нужного, большого вопроса... И вот там командный состав и ген. Деникин ничего принципиально не имели против этого... Я не люблю гадать на бобах, но теперь — факт на лицо. Я свидетельствую, что лучше Кубанской армии сейчас нет в России и, может быть, во всей Европе... Надо сказать, что я говорил со многими генералами и офицерами нашего Кубанского войска, и все они ясно видели, что теперь из состава Кавказской армии выделение Кубанской армии является не своевременным“... (стенограмма закрытого заседания Куб. Зак. Рады 21 мая 1919 г.).

Атаман заклинал, что армия Кубанская уже есть, что она даже лучшая во всей Европе, а вместе с тем говорил, что организация ее несвоевременна; говорил о том, что Деникин и Врангель поддерживают мысль об организации отдельной Кубанской армии, но что сами кубанские офицеры находят несвоевременным выделение кубанских частей в отдельную армию... Так говорил перед Радой выборный Атаман Кубани, который перед этим, как свидетельствует Врангель (см. выше), согласился с мыслью Врангеля и в этом смысле вместе с Врангелем послал телеграмму Деникину, говорившую о том, что Кубанская армия не организуется.

Рада все таки не захотела пересмотреть вопрос о штатах походного Атамана и настаивала на организации отдельной Кубанской армии. Меньшинство членов Зак. Рады весьма горячо поддерживали Кубанского Атамана.

В это время в Париже работала Кубанская Делегация, посланная Кубанской Краевой Радой еще в декабре 1918 г.

Благодаря систематическому противодействию со стороны представителей ген Деникина, Кубанская делегация умышленно задерживалась в пути и попала в Париж только через 72 дня со времени выезда делегации с Кубани. Кубанская делегация отказалась от вхожде-

ния в контакт с русскими различными представителями за границей. На этой почве в Кубанской делегации произошел раскол...

16 апреля 1919 г. Кубанская делегация подала печатный обстоятельный меморандум Державам Согласия. Этот меморандум заканчивается просьбой 1) признать Кубанский Край в границах, на прилагаемой карте показанных, самостоятельным государственным образованием, безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти... 2) об оказании моральной поддержки Кубанскому Правительству... 3) об отпуске в распоряжение Кубанского Правительства необходимых средств защиты и всякой амуниции для вооружения и снабжения Кубанской казачьей армии, а равно санитарного имущества и медикаментов как для населения, так и для армии.

Президенту Северо-Американских Соединенных штатов Делегация 15 мая подала меморандум с просьбой 1) о признании Кубани самостоятельным государством, 2) о допущении представителя Кубани на Мирную Конференцию, 3) об установлении с Кубанским Краем правильных торговых сношений и 4) о выдаче из (Европейских) складов военного министерства Северо-Амер. Штатов в распоряжение Кубанского Правительства потребных для населения Кубани предметов и продуктов...

29 мая Делегация обратилась к председателю Мирной Конференции с просьбой 1) о признании Куб. Края самостоятельным государством, 2) о допущении представителя Кубани на Мирную Конференцию и 3) о принятии Кубанского Края в число членов Лиги Наций...

Вообще Кубанская делегация развила весьма активную работу среди представителей великих держав. В мае месяце прибыли из Парижа в Екатеринодар члены Куб. делегации С. Ф. Манжула и И. А. Билый и выступили 19 мая в Законодательной Раде с докладом о работе делегации. Большинство членов Рады одобрило работу делегации, а меньшинство, особенно некоторые члены Рады, выступили с осуждением деятельности делегации и призывали к единению с ген. Деникиным. Вся русская печать всех политических оттенков весьма резко нападала на Кубанскую Заграничную Делегацию. В вопросе самого резкого осуждения деятельности Кубанской делегации, естественно, объединились все русские политические партии.

В наитягчайшие для Кубани времена борьбы на фронте против русских красных армий и борьбы в тылу против русской единонедельмической контр-революции, обыкновенно, на сцену выходили руководители донской казачьей политики и помогали русским генералам вести борьбу против самостийников Кубани: так было осенью 1918 г., когда кубанцы вели кровавые бои на Лабее, на Урупе, на верхней Кубани, у Ставрополя; на сцене появился председатель Донского Круга, он заявил, что Дон, по его мнению, отдаст все свои силы в распоряжение Деникина, признавши его военную и политическую власть; так было в начале декабря того же года, когда Донской Атаман весьма резко осуждал самостийную Кубань и писал о том, что теперь остается только договориться Дону с Добровольческой армией и идти строить единую и неделимую Россию; так было в феврале 1919 г., когда кубанцы победоносно закончили кровавые многомесячные непрерывные бои за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа и выходили на север, на помощь тому же Дону, а в это время (4 февраля) Донской Круг позволил себе восхвалять Деникина и Добровольческую армию; было так в марте-апреле, когда Кубанцы тысячами умирали в Донецком бассейне, на Приазовских полях, а в это время председатель Донского Круга раз'езжал по Казачьим Землям и старался провалить Кубань с ее желанием построить оборонительный Союз молодых государств; так было в конце апреля и в начале мая 1919 г., когда кубанцы на Маныче в кровавых боях сокрушали 10-ю русскую красную армию, когда кубанцы в боевом порыве били большевиков в Донецком бассейне, в районе Дебальцево и Юзово, и тогда на аванс сцену выступил Донской Круг и в обращении к Верхне-Донцам написал хвалу Деникину, хвалу Добровольческой армии, которая будто бы „стала несокрушимой стеной“ и т. д. Руководители донской и терской политики, работав-

шие в непосредственном контакте с Филимоновым и Деникиным, знали хорошо, что и как делать, чтобы оккупировать казачью массу и вывести ее „на московскую дорогу“. Знали они также и то, что и донская, и терская казачья масса, несшая на своих плечах всю тяжесть борьбы против красных армий, совершенно и не собирается бороться за единую неделимую Россию...

Руководители донской политики не могли не знать и того, что настоящий русский народ поддерживал большевиков, что именно весной 1919 г. русские большевистские армии разбили на Восточном фронте армии адмирала Колчака... По этому поводу ген. Деникин пишет следующее:

„Стратегическое положение Сибирского фронта ко времени вступления в Верховное командование адмирала Колчака (Деникин признал Колчака, как известно, 30 мая 1919 г.) было весьма тяжелым.

Под ударами пяти советских армий полковника Каменева продолжалось отступление Сибирского фронта от Волги к Уралу. Пали Уральск и Оренбург; потеряв связь и с противником и со своими, стремительно уходили расстроенные части Оренбургской (Казачьей) армии; отрезано было от общего фронта злосчастное Уральское казачье Войско, и, опрокинув заслон, прикрывавший Ташкентское направление, большевики стремились открыть себе столь долгожданную дорогу в Туркестан...“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 90).

Знали тогда, в мае 1919 г., об этом отступлении Восточного фронта политики на Дону и на Тереке или не знали? Конечно, знали, так как сообщения о ходе боев печатались в прессе. Достаточно было взглянуть на карту, чтобы видеть, что русские красные армии на тысячеверстном фронте гнали на восток армии Колчака, что казацы Войска Оренбургского и Уральского уже потеряли свои столицы... Знали, конечно, об этом и на Кубани...

Из кого же составлялись эти пять русских победоносных красных армий, которые принудили армии адмирала Колчака к отступлению по всему фронту? Из кого составлялись армии, захватившие территории Оренбургского и Уральского Войск? Из кого составлялся многочисленный командный состав этих пяти армий?

Каждый сколько-нибудь разумный человек хорошо понимал, что это были русские люди, русские армии, что они только назывались красными, а по сути были организованными русскими насильниками, пустившими добывать свои „колонии“...

Должны были понимать казацы сторонники России и то, что на южном фронте только казачьими силами были разбиты 4 русских армии и их Махновские неразумные приспешники в тяжелых и кровопролитных боях в феврале-мае месяцах, что роль русских добровольцев, была весьма и весьма скромной на всем фронте казачьей войны. Этим мы не отрицаем героизма добровольцев, но устанавливаем только действительное боевое значение русских белых добровольцев в решительных боях этого периода... Троцкому было виднее из Москвы, с кем он имеет дело на Юге, и недаром этот новый „генералиссимус“ истерически кричал: „Южный фронт — Казачий фронт“...

Ясно было, что русские советские армии, отбросив Колчака за Урал, накинута снова на казаков Юга. Правда, казаки Юга разметали уже 4 армии. Но ведь и самим казакам весьма дорогою ценою — множеством убитых и перераненных казаков — далась эта победа. Ведь эти казацы военные подвиги обескровливали и обессиливали казаков... Ведь и могучую пружину казачьего героического сопротивления русскому красному нашествию нельзя было натягивать до бесконечности...

Следует не забывать при этом и того важного обстоятельства, что самая война на Юге до сих пор шла не на русской, а на казачьей и украинской территории. Питание армии, людей и лошадей, все время шло за счет нерусского населения. Напротив, Россия вывозила усиленно продукты питания с Украины и с Дона на север, к себе... Ведь и разорение артиллерийским огнем и пожарами построек, запасов продовольствия и т. д., словом страшное разорение и уничтожение, которое

несет всякая война, — производилось тоже на нерусской территории...

30 мая 1919 г. Деникин признал над собою власть адмирала Колчака. Русские сотысячные беженцы на Казачьих Землях неистовствовали от радости и восторга, что снова „возродилась Россия“...

А 1-го июня, словом, через два дня после признания Деникиным Колчака, появилась Декларация Донского Войскового Круга, в которой между прочим читаем такие места:

„Войсковой Круг в заседании 1 июня единогласно принял следующую декларацию:

Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, прерывая свои работы (примечание: сессия тянулась от 1 февраля до 1 июня) до следующей сессии, считает необходимым огласить во всеобщее сведение основные начала своего государственного строительства и указать ближайшие задачи законодательства.

1. Главной задачей текущего момента Войсковой Круг считает решительную борьбу с большевизмом... Продолжение этой борьбы, необходимое для спасения России, Круг мыслит в условиях верности доблестным союзникам и в непременном сотрудничестве с Добровольческой армией...

3. Будущую Россию Войсковой Круг мыслит, как единую свободную демократическую страну, с государственным устройством, какое будет дано волей и разумом самого народа на новом Учредительном собрании...

4. Непременными условиями будущего устройства России Круг считает: а) государственную местную автономию с правом законодательства по вопросам местного значения и правом областных, экономических и национальных союзов“... (В декларации всего 10 пунктов).

Из этого документа видно, что Донской Круг согласился а) отказаться авансом от самостоятельности Всевеликого Войска Донского, б) Войском Донским принять участие в возрождении единой неделимой России и в) вообще итти рука об руку с русским движением, возглавляемым ген. Деникиным... Ясно было, что русская партия на Дону взяла верх.

Чтобы лучше представить, в каком положении вообще находилась работа казачьего тыла, следует это постановление Круга сопоставить с выше приведенным постановлением Кубанской Законодательной Рады, принятым 20 апреля 1919 г., имевшим в виду укрепление полной государственной самостоятельности Кубани; следует сопоставить с решением той же Рады 4 мая об устранении от управления Куб. Краем правительства Сушкова, которое проводило в жизнь именно ту программу государственного строительства, которую Донской Круг подтвердил 1 июня в своей декларации... 29 мая 1919 г. Кубанская делегация в Париже подала заявление председателю Мирной Конференции о признании государственной независимости Кубанского Края и о принятии его в состав Лиги Наций, а 1 июня того же года Донской Круг авторитетно вставал на защиту автономных прав Дона в единой и неделимой России...

Разве можно было надеяться на успех такой противоречивой, тянущей в диаметрально противоположные стороны, казачьей политики? Одни весьма настойчиво тянули Казачество в ту самую Москву, которая била казаков, а другие, не имея сил вырвать Кубанские полки из рук Деникина, хотели вынести русско-казачий спор на Мирную Конференцию в Париже и при ее помощи думали защитить самостоятельность Кубанского государства...

А в то время, когда казацы политики так разрашались важнейшие вопросы бытия Казачества, на Царицынском фронте происходили следующие события. После весьма тяжелых боев на укрепленной линии р. Есауловский Аксай, боев, которые сопровождались большими потерями казаков, 27 мая казаки под командой Врангеля подошли к р. Царице, в жаркой схватке разбили здесь противника и погнали его к самому Царицыну. Но, как повествует Врангель,

„По мере приближения к Царицыну противник оказывал все более ожесточенное сопротивление. В Царицыне лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой 10-й армии. Сюда была стянута

почти вся XI армия с Астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16-ти городов центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко, из 8-ми полков, подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца. Судя и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находилось несколько бронепоездов“ (Врангель. Записки, кн. 1, стр. 152).

Словом, Россия здесь оказывала колоссальное сопротивление казачьему оружию. В тот день, когда Кубанская Заграничная Делегация подала заявление в Париже о полном отделении Кубани от России, стечением событий, генерал Врангель приказал: а) 2-му Кубанскому корпусу ген. Улагая наступать на фронт Царицын-Воропоново и овладеть Царицыном с юга; б) 4-ому Конному корпусу Шатилова — наступать на фронт Воропоново-Гумрак и овладеть Царицыном с запада; 1-му корпусу ген. Покровского наступать... с целью отрезать противнику пути отхода на северо-запад...

29 мая большевики отбили все атаки кубанцев на Царицын. Далее Врангель рассказывает:

„Вечером 31-го мая был получен подписанный накануне Главнокомандующим приказ о подчинении его адмиралу Колчаку... 1-го июня, едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа (примечание: 4-й конный корпус Шатилова, 2-я Кубанская дивизия, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-я Кубанская пластунская бригада) стремительно атаковала позиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая далее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенккая. Противник при поддержке могущественной артиллерии и бронепоездов оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже... С утра 2-го июня бой снова разгорелся. Ударная группа Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти...

... Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце, вынужден

я был предположенную в ночь с 2-го на 3-ье атаку отменить“ (там же, стр. 153—154).

Здесь были сосредоточены одни из лучших казачьих полков. И после упорнейших атак они не могли взять г. Царицын. В тот же день Врангель телеграфировал Деникину между прочим следующее:

... „Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков. 2 июня... Врангель“ (там же).

Казачество несло ужасные потери в борьбе с красной Россией...

2 июня русские люди торжественно праздновали подчинение Деникина Колчаку: в Екатеринодаре „было торжественное молебствие на площади перед Войсковым собором и затем парад войскам“, рассказывает помощник Деникина проф. К. Н. Соколов, „на молебне поминали богохранимую державу Российскую и верховного правителя ее. Это производило радостное и волнующее впечатление. Кубанские власти отсутствовали на торжествах. Но войсковой атаман А. П. Филимонов заезжал к Главнокомандующему и выразил надежду, что генерал Деникин будет верным хранителем казачьих вольностей“ (Соколов. Правление генерала Деникина, стр. 136).

Кубанские власти не признавали власти Деникина, поэтому не могли признать и власти адмирала Колчака. Куб. Зак. Рада и Куб. Правительство просто игнорировали акт о признании Деникиным Колчака и русские торжества по этому поводу.

Кубанские дивизии 2-го июня не смогли вырвать из рук врага Царицын и, понеся колоссальные потери, временно принуждены были отступить, а в Екатеринодаре того же 2-го июня перед „соправителем России“ на параде маршировали кубанские казаки из гарнизона столицы Кубани...

Рада и Правительство отсутствовали...

Но хватит ли сил у Казачества понести ту ношу, которую возложила на него Декларация Донского Круга, принятая единогласно?

Медленно переворачивались новые, удивительно пестрые страницы ужасной трагедии Казачества... Между казачьим фронтом и казачьим тылом не было необходимой гармонии...

(Конец II части).

Конец кризиса?

Под таким „вопросительным“ заголовком в пражской газете самой распространенной „Národní Politika“, в номере от 15 сего июня, в совсем „безобидном“ и даже скучном отделе „народное хозяйство“ напечатана небольшая редакционная заметка с весьма знаменательным (с нашей точки зрения) содержанием, познакомиться с которым интересно будет и нашим читателям. Вот она:

„Напряженное состояние на Дальнем Востоке между Россией и Японией, которое в настоящее время, согласно информаций, полученных нами из хорошо осведомленных дипломатических источников, грозит непосредственным столкновением, обращает на себя внимание всего мира.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что грозящий конфликт между Россией и Японией рассматривается прежде всего и с точки зрения экономической, ибо в сегодняшних затруднениях, к сожалению, всякое средство является хорошим, раз оно может принести изменение (ситуации) и облегчение... Международная спекуляция и тяжелая промышленность следят уже сейчас за событиями на Дальнем Востоке с карандашом в руках, подсчитывая, что бы им „то“ могло „дать“, им — военной промышленности, „железным“ заводам и всем тем отраслям промышленности, которые могли бы получить военные заказы.

„Военные“ заводы во всех почти государствах имеют уже сейчас достаточно работы, „нагруженные“ кое где хорошо, кое где еще лучше, напр. в Германии. На международном рынке железо уже находится в „повышательной“ тенденции, вероятно по той причине, что предстоит большой расход стали и железа; на нашем (т. е. чехословацком) внутреннем рынке уже поднялись цены на старое железо.

Уже раздаются голоса, которые утверждают, что новая русско-японская война могла бы принести конец кризиса и „конъюнктуру“, как следствие поставок военного материала обеим сторонам“.

— Внимательные читатели все выводы сделают сами.

Е. Якименко.

Памяти борца.

К 15 летию со дня убийства Н. С. Рябова.

... И пал борец... в расцвете сил,
Когда звала его работа,
И револьвер Искариота
Из за угла его сразил.
Над страной твоей родной,
Храня незримо от невзгоды,
Пусть реет образ твой...
Залогом счастья и свободы...

Так заканчивалось стихотворение, посвященное памяти Н. С. Рябова, напечатанное в № 131 „Вольн. Кубани“ 16 июня 1919 г., спустя 4 дня после убийства. Стихотворение было подписано: Г. Эннов.

Исполнилось пятнадцать лет с того дня, как от пули предателя, стрелявшего из-за угла, пал лучший сын Кубани, председатель Рады, Николай Степанович Рябовол, памяти которого я и посвящаю свой настоящий очерк. Я прошу извинить меня, если не смогу детально осветить все подробности жизни и деятельности казака мученика. Если бы я это и хотел сделать, то в эмигрантских условиях это невозможно, т. к. нужно было бы писать целую книгу, для чего нужно время, которого нет; к тому же я не обладаю особым писательским талантом, да и материал в наших условиях добывается с трудом.

Николай Степанович Рябовол, казак станицы Динской, Екатеринодарского отдела, родился в 1883 году 17 декабря. Он происходил из простых казаков, т. е. не имел „родовитости“. Отец Рябова в течение 35 лет занимал должность станичного писаря, а дед был атамаином станицы. Несмотря на отсутствие „родовитости“, весь род Рябова в жизни станицы играл видную роль. Отец Н. С. в 1907 г. организовал в станице кооператив, председателем правления которого и был до смерти. В те времена, т. е. до войны, как известно, кооперативы только начинали свою работу, иногда и не оправдывали своего назначения: частная торговля душила кооперативные общества. Не то было с кооперативом станицы Динской. Он настолько успешно развивался, что за два года до войны имел отличный собственный дом, в котором была многотомная библиотека-читальня с большим количеством газет и журналов; имел склад сельскохозяйственных машин, организовывал сельскохозяйственные курсы, выставки и пр.

Отец Рябова имел 13 душ детей, старшим среди которых и был Николай Степанович.

По окончании станичной школы родители отдали Н. С. в Кубанское реальное училище. Наличие у родных семьи в 13 человек заставило Н. С. уже с 5 класса зарабатывать уроками, дабы облегчить положение отца, несшего большие расходы по образованию сына. По окончании реального училища в 1901 г., за отсутствием средств, Н. С. некоторое время учителем в своей станице и, собрав немного денег, поступает в Киевский политехникум на механическое отделение, но т. к. еще в старших классах реального училища он весьма интересовался политическими движениями, то, попав в высшую школу в бурное время первой революции, он не мог оставаться спокойным и принимал в ней активное участие. Однако, политехникум в октябре 1905 года был закрыт, и Н. С. возвращается на Родину, живет в Екатеринодаре, занимается репетиторством и работает в политических кружках.

Осенью 1906 г. политехникум открывается, и Н. С. продолжает образование, но в то же время ведет и общественную работу, — его избирают от студенческой организации в первый совет представителей студенчества. Вскоре Н. С. принимает деятельное участие в культурно-экономических организациях студенчества и состоит председателем украинской громады в политехникуме. В украинских организациях Н. С. принимал участие еще на Кубани, где он работал в кружке, возглавлявшемся С. Эрстовым. По работе в украинском

кружке в Екатеринодаре Рябовол близко знал и Симона Петлюру, Понятенко и других украинцев, живших тогда в Екатеринодаре.

С лета 1906 г. Н. С. начинает работать, как журналист, в прогрессивной газете на Кубани „Заря“ и принимает деятельное участие в выборах в первую государственную Думу. В 1909 году на Кубани возникает мысль о постройке Черноморско-Кубанской железной дороги. Станица Динская принимает участие в этом новом начинании и своим представителем на съезд уполномоченных от станиц избирает Н. С., как одного из пионеров дела. На съезде в станице Брюховецкой его избирают в организационную комиссию по постройке дороги. Ясный ум, молодая кипучая энергия, руководимая сознательной и твердой волей, приводит к тому, что его, 28 летнего тогда молодого человека, избирают на ответственный пост директора огромного предприятия, рядом с такими выдающимися старыми и заслуженными общественными деятелями Кубани, как Бардиж, Живило, Крыжановский и другие. Осенью 1911 г. Н. С. вместе с другим директором дороги, Ореховым, командирован в Лондон для реализации облигационного займа. Задание было выполнено блестяще: заем реализован из 3%.

Заслуживает особого внимания тот факт, что согласно обычаям финансовых кругов Лондона, нашим директорам было предложено получить 160.000 руб. куртажных, которые они могли обратить в свою пользу. Однако наши „неопытные“ и „кустарные“ директора, приехав в Екатеринодар, сдали в кассу общества все, что они получили в Лондоне.

Одновременно Н. С. принимает деятельное участие в кооперативном строительстве нашего края; он был одним из инициаторов организации союза кооперативов мелкого кредита, знаменитого впоследствии по своему необычайно быстрому росту и своей экономической мощи — Кубанского центрального союза, председателем совета которого Н. С. состоял с момента его возникновения и до самой смерти.

Для провинции карьера Н. С. была необычайно блестящей; появились завистники, считавшие, что они тоже могут быть директорами.

Борьба вокруг Черноморки и ее дел принимает явно нездоровые формы в 1913 г., после смерти председателя правления Живило, и в следующем году Н. С. вынужден был оставить пост директора дороги и пережить тяжелые минуты людской зависти, клеветы и неблагодарности...

В 1915 году Н. С. мобилизуется и поступает в школу прапорщиков инженерных войск. Война как то всех равняет, и Н. С. из общей массы воинов не выделяется. Революция застала его в Финляндии, где его избирают в местный совет офицерских и солдатских депутатов, но Н. С. всей душой рвется на Кубань, туда, где есть простор для выхода его творческим силам.

На Кубанском съезде в апреле 1917 г. он уже фигурирует в роли товарища председателя.

Н. С. приехал из Финляндии как раз в период организации на Кубани продовольственного комитета, председателем которого и был избран. Тут он знакомится с Кулабуховым. Дружеские отношения, возникшие между ними за время совместной деятельности по делу продовольствия, не прерывались потом до конца их жизни.

Осенью 1917 г. собирается первая Войсковая Рада, которая избирает своим председателем Николая Рябова, как наиболее энергичного общественного деятеля. Рада не ошиблась; Н. С. с первых же заседаний выказал такие выдающиеся способности руководить огромным и бурным собранием, что его потом неизменно продолжали избирать на этот ответственный пост всякий раз, как только вновь формировался президиум Рады.

Н. С. не был тем политиком, о которых говорят, что они становятся над партиями, группами или вообще

всякими политическими делениями. Это была ярко выраженной политической фигурой. Он не скрывал своего политического лица, не отказывался от своих политических стремлений. Его политические убеждения не являлись ни для кого секретом, их знала вся Кубань и, как мы увидим ниже, — Рада не раз облекала его особыми полномочиями, чем и подтверждала свою солидарность с убеждениями и стремлениями этого большого казака. Несмотря на свои убеждения, он так искусно и безупречно вел заседания Рады, что даже наиболее яростные и бесцеремонные его противники были лишены возможности обвинить его, как председателя, в чем либо, что было бы поводом для выражения недовольства им или для неизбрания его при новых выборах. Так Н. С. стал бессменным председателем Рады.

Н. С. был горячим и убежденным сторонником восстановления старого казачьего народоправства и тех форм общественно-политической жизни казачества, которые были разрушены Московским Царством. Вся его общественная деятельность — как дореволюционная, так и во время революции — всегда была направлена в одну точку, а именно: на защиту интересов народных зивов казачества. Вот почему за ним, среди рядового казачества, устанавливается репутация народника. И это совершенно основательно, ибо это в полной мере соответствовало тому, что было в действительности.

Один бывший член Рады однажды в Париже, на собрании, сказал, „что пришедшие в казачьи края руководители Добровольческой армии никак не могли отказаться от своей великодержавной психологии „володетельства“, и ясно, что для людей с „володетельскими“ желаниями фигура Рябовола, как народника, была „белым на глазу“. И когда тогдашний вожь Добр. армии попытался впервые навязать Кубани свою политику, — то он встретил отпор: Кубань ответила устами Рябовола. Первая схватка Кубанской Рады с командованием Доброй армии произошла в ст. Мечегинской, где ген. Алексеев устроил офицерское собрание, на котором стал обвинять Раду в том, что она ведет слишком самостоятельную политику, устраивает собрания с офицерами и т. д., и что такая политика Рады мешает Доброй армии. Между некоторыми другими членами Рады на собрании присутствовал и Н. С. Рябовол. Несмотря на слухи о „ликвидации“ Рады, Н. С. счел необходимым дать решительный отпор командованию Доброй армии, как только последнее открыто попробовало заговорить о своих полномочиях. В своей горячей и обстоятельно убедительной речи Н. С. решительно протестовал против того, что Д. А., вместо только военного сотрудничества с Кубанью, делает попытку взять под свою опеку и ее политику, что такого рода стремления Д. А. могут привести только к одному результату — к раздорам и ослаблению общих сил, а может быть и краху всей противобольшевской борьбы. То обстоятельство, что ген. Алексеев позволяет себе делать известные выводы только на основании каких-то неопределенных слухов, даже не проверив их, указывает, что Д. А. скорее хотела бы, чтобы такие слухи ходили и давали бы основание для нужных выводов. Решительность Н. С. была настолько велика и внушительна, что ген. Алексеев ясно увидел, что наскоком кубанцев не возьмешь, и вынужден был отступить и даже... оправдывался. Эта первая схватка Рябовола с Д. А. показала последней, что в его лице она имеет такого противника, которого можно переломить, но не склонить.

В мае 1918 г. Рада посылает в Киев делегацию с просьбой помочь Кубани пушками, снарядами и патронами. Во главе делегации Рада ставит Н. С. Рябовола. Позже Рада ставит Н. С. также и во главе делегации, которую она посылала на так называемую Южно-Русскую конференцию. В начале ее работ и погиб Н. С., сраженный пулей подлого убийцы из-за угла.

Вообще Рада выдвигала Н. С. на самые ответственные посты, в самые решительные моменты и для решения самых сложных и ответственных вопросов.

Основной политической идеей Н. С. была мысль, что, как для успешной борьбы с большевиками, так и

вообще для установления в будущем свободной жизни угнетенных народов бывшей Российской империи, необходимо создать, как „равный с равным“, союз возникших государственных образований Дона, Кубани, Терек, горцев Кавказа, Грузии, Украины и др. Эту свою основную точку зрения Н. С. проводил всегда, упорно и решительно. Излагая свой взгляд на задачи Южно-Русской конференции перед ее общим собранием 13 (26) июня 1919 г., произнося свою последнюю речь, Н. С. Рябовол снова утверждает, что необходимо действовать в интересах народных масс и тем вызвать их сочувствие к противобольшевской борьбе; необходимо убедить народ, что борьба идет не из за того, чтобы, освободившись от большевицкого ярма, он снова попал в старое дворянское ярмо, а для того, чтобы освободиться от всякого ярма и жить так, как того хочет сам народ. На примере Черноморской губернии, в которой Д. А. проводила свою „губернаторскую“ политику, Н. С. наглядно показал, что вместо сочувствия Д. А. добилась озлобления, оттолкнула от себя население и направила его надежды на большевиков. В Ставропольской губ. то же самое и даже больше: в феврале месяце 1919 г. дело там дошло даже до восстания. Так же несомненно должно относиться крестьянство и во всех других местах, находящихся под властью командования Д. А., и где проводится та же „губернаторская“ политика. Н. С. предостерегал конференцию, что при такой политике в конце концов может дрогнуть фронт, и то, что завоевывалось годами и долгими месяцами упорной, напряженной и кровопролитной борьбы, может рухнуть в одну минуту.

Дальнейшее показало, что прогноз Рябовола был пророческим: случилось то, от чего он предостерегал.

Как выход из создавшегося положения, Н. С. предлагал свой конкретный и ясный план борьбы:

1. Немедленно создать равноправный союз угнетенных народов б. Российской Империи.

2. Борьбу против большевиков вести во имя народных интересов и так, чтобы народ был уверен, что ему при победе безусловно будет обеспечена земля и полная свобода устраивать общественную жизнь соответственно свободно выраженной воли большинства. Всякие попытки, откуда бы они ни исходили, в той или иной мере восстановить свергнутый политический или социальный строй, должны быть устранены самым решительным образом.

3. Не возлагать на Антанту больших надежд, чем в действительности можно от нее ожидать, и рассчитывать главным образом на свои собственные силы. Этот план решительно расходился с добровольческим. А т. к. Н. С. показал себя решительным, умным и настоящим деятелем, который смог бы провести свои планы, добровольцы решили пустить против него в ход убийство, и Рябовол был убит.

Убийство произошло в гостинице „Палас“ в Ростове 14 (27) июня 1919 г. около 2 часов ночи. Убийцы, члены особого отдела Кавказской армии, которой командовал в то время ген. Врангель, устроили засаду в самой гостинице: двое находились внизу, в вестибюле, а двое других дежурили в коридоре, где находился номер Н. С. Как только Н. С. вошел в здание, открытое ему помощником швейцара, и стал подниматься по лестнице, внезапно подбежавший убийца выпустил ему две пули в затылок. Н. С. упал мертвым. Убийцы выскочили из гостиницы, сели в поджидавший их автомобиль и укатили.

Замечательно при этом, что следствие, назначенное по распоряжению Донского Атамана ген. Богаевского, никак не могло отыскать убийц. Следствие со стороны донских властей вел следовательно по особо важным делам г. Павлов, добросовестно исследовавший все обстоятельства убийства, насколько это было только в силах органа судебной власти; однако, он был бессильен установить личность убийцы, хорошо известного „отряду особого назначения“ ротмистра Баранова, равно как и личность шофера автомобиля одного из высших учреждений Добр. армии (см. „Голос Казачества“ № 21 от 26 февр. 1922 г.).

Г. Омельченко более определенно указывает, что то высшее учреждение, которому принадлежал автомо-

биль, было управление начальника снабжения Добр. армии, и когда следствие установило этот важный факт, то по распоряжению Донского Атамана ген. Богаевского дело об автомобиле было изъято; иными словами, из дознания вычеркнут важный факт, могший привести следствие к желаемым результатам (См. „Лит. Н. В.“ 1926 г. № 5). Генерал Деникин в „Очерках русской смуты“ (см. т. V, стр. 195) говорит, что следствие донских властей не обнаружило лиц, совершивших убийство. Более определенно о деле убийства говорит Донской военный прокурор полк. Калинин, выступавший на суде обвинителем, а следовательно, хорошо знавший весь следственный материал: обнаружить убийц, рассказывает он, было бы не так трудно, если бы наряду с судебными властями, за раскрытие преступления не взылась всеисильная тогда контр-разведка В. С. Ю. Р. Однако, неутомимый судебный деятель выяснит, что убийцы выслеживали свою жертву в коридорах 3 этажа, заходили в тот номер, где офицеры „отряда особого назначения“ ротмистра Баранова пировали во главе с молодым графом И. Воронцовым-Дашковым. Господин Павлов первоначально обратил свои взоры на эту теплую компанию и даже подверг их домашнему аресту... (См. „Голос К-ва“ № 21, 26 февр. 1922).

Русская пресса, державшая сторону главного командования, писала в газетах: „Кубанские политики желают разложить фронт, вызывают нерасположение к Д. А., клеветают на Д. А., что она повинна в смерти Рябовола. Следствие и суд, унялы пыл этой прессы (см. „Лит. Наук. В.“ № 5 — 1956 г.).

Кого интересует этот вопрос, а именно вопрос следствия, в более широких размерах, того я отсылаю к тем источникам, откуда я заимствовал сведения для этого очерка.

Как же отнеслось население Кубани к убийству своего избранника?

И весть на крыльях полетела,
Украина смутно зашумела,

говорится в одном месте „Полтавы“ Пушкина. Эти стихи можно было бы, перефразировав, применить и к Кубани:

И весть на крыльях полетела,
Кубань вся смутно зашумела...

И действительно, впечатление от убийства Н. С. среди населения Кубани, не исключая и иногородних, и даже рабочих масс, было поистине огромное. Озлобление против Д. А. доходило до такой степени что приходилось принимать особые меры, чтобы оно не закончилось избиением лиц, причастных к ней, что в некоторых случаях и имело место в Екатеринодаре. Рабочие организации Екатеринодара выразили Раде свое горячее сочувствие и свою готовность поддержать ее в борьбе с реакцией, иными словами — в борьбе за те принципы, во имя которых пал Рябовол.

Надо признать, что Рада не использовала создавшуюся обстановку так, как ее можно и нужно было использовать. Правда, единогласно было вынесено постановление, в котором говорилось: „Осваги и вообще

печатные органы, которые проявляют враждебность к Кубанским законодательным институтам, закрыть, а редакторов их выслать за пределы Кубани“...

На похоронах Н. С. присутствовал буквально весь Екатеринодар.

Об отношении к убийству Рябовола со стороны станиц Кубани я хочу сказать отдельно, подтвердив это документами, поскольку это возможно.

По пути следования поезда с телом Рябовола, на всех станциях, начиная от границы Дона, до самого Екатеринодара, выходили толпы народа отдать последний долг своему лучшему сыну, так не во время бывшему из их рядов. Станицы выносили приговора и кипами посылали их в Раду. К сожалению, я лишен возможности привести полностью хотя бы один приговор, остановлю только внимание читателей на некоторых выдержках из этих приговоров. Станица Поповичевская в своем приговоре пишет: „выражая глубокий свой протест против предательского убийства лучшего сына нашего Края, полагаем, что убийство это совершено ни кем иным, как группой монархистов, ожиревших от нашего казачьего белого хлеба и поднявших в последнее время свои головы. Неужели недостаточно того моря крови, которая проливается нашими сыновьями, неужели этим подлым трусам, убийцам из за угла, недостаточно того моря слез, которые проливаются нашими матерями, посланными своих сыновей на борьбу с большевиками, что еще и здесь, в тылу, проливается, где бы казалось должно же, наконец, наступить успокоение, невинная кровь лучшего казака, борца за казачьи права и казачьи вольности, Главы Кубанской Краевой Рады“...

Дальше в этом же приговоре говорится: „Убийцы предатели ясно сознавали, что, стреляя в Рябовола, они стреляли не в него, а во всю Кубань“!..

В приговоре станицы Уманской говорится не менее красноречиво, почему приведу несколько строк, дабы читатели могли представить, что означала для Кубани смерть Рябовола.

„Мы глубоко потрясены настоящим тяжелым известием и с возмущением задаем вопрос: а кто же его убил? — Оказывается, монархисты; что безусловно это сделали они, нет никакого сомнения, ибо мы знаем, что наших избранников они травили в прокламациях и в газетах, что являлось несомненно провокацией, травили они для того, чтобы подорвать всякое доверие к нашему правительству со стороны населения; но нет, — это им не удалось, — мы не могли поверить этим прокламациям. Мы знаем, что наши избранники как Краевой так и Законодательный Рад, служат для блага народа и борются за народоправство, за землю и волю... Но до каких же пор это будет продолжаться? До каких пор мы будем терпеть поношение, травлю и угрозу нашим избранникам?.. Они пусть не забывают, что травля против наших избранников есть ни что иное, как травля против всего народа, который борется за свободу, а не занимается клеветой“...

Харбинское „Русское Слово“, в номере 2472 от 2 сего июня, „страшно возмущается“ „казакон Ковганом“, который „снова пытается выплыть на поверхность политический харбинской жизни“.

Оказывается, что „Ковган чрезвычайно решительно опровергает установленные нашими (т. е. ихними. Ред.) историками взгляды на образование казачьих поселений и пытается защищать теорию, согласно которой казаки представляют особую нацию от русской. Русские и казаки — далеко не одно и то же, — утверждает Ковган. Это два разных народа, две нации, исторические пути которых должны идти совершенно разными путями. Пользуясь своим численным перевесом, Московия лишь поработила казаков и всячески их эксплуатировала“...

— Ну, не еретик ли этот самый Ковган?

Мы удивляемся, как это он еще топчет до сих пор своими грешными ногами пыль харбинских улиц!.. Впрочем, чем черт не шутит, — а что, если харбинское „Р. С.“ и в самом деле потянет станичника Ковгана на костер!.. Ведь мыслишка такая давно уже пришла не в одну неделимческую голову...

Но — Бог не выдаст... А, ты, казак, не плошай!..

При своем приговоре станица Уманская препроводила известную сумму денег для сооружения памятника убитому...

Станица Гостоговская в своем большом приговоре ставит целый ряд требований, но, чтобы не удлинять очерка, я укажу только на некоторые из них:

„Недопускать на фронт монархической пропаганды, сеющей ложь, как газета „Великая Россия“, и „Свободный Казак“ и т. д. В достаточном количестве снабжать фронт такими газетами, как, теперешняя „Вольная Кубань“, иными словами офицеров Кубанского Правительства.

Просили немедленно же раскассировать „Осваг“, выслать его сотрудников за пределы края. Пропагандистов монархического духа просим арестовывать, предавать их суровому суду, дабы этим предохранить своих избранных от убийств и посягательства на их жизнь, и тем предостеречь и нас от перехода от слов к делу“...

Помимо выше приведенного, в приговоре есть требование создать свою Кубанскую армию, с формированием которой, как известно, тянули до последнего дня... Когда на собрании в Париже г. Скобцов сказал, что остановка была тогда за командующим, — не нашли на Кубани подходящего человека на этот пост. Оправдание, по меньшей мере, наивное...

Но самое замечательное в этом приговоре, т. е.

приговоре ст. Гостоговской, — требование такого рода: „Выделить надежные части в достаточном количестве, или же сформировать таковые для защиты правительства и Рады от всякого рода покушений и за всеми командиремыми по делам службы членами Законодательной Рады и Правительства посылать надежный караул, дабы случай с Рябоволом не повторился“. (См. журн. „Про Кубань“ № 40 — 1929 г.).

Я уже говорил выше, что Рада, к сожалению, не использовала полностью настроение Кубани того времени; последняя цитата из приговора станицы Гостоговской заслуживала сугубого внимания, но мер к формированию частей предпринято не было, и спустя несколько месяцев против Рады был объявлен поход, но уже не тайный, а явный. Рада была беззащитна, не могла опереться на вооруженную силу и, терроризированная и униженная, должна была идти на уступки, идти на виселицу, со всей Кубанью, в столице Края — Екатеринодаре...

Заканчивая свой короткий очерк, я позволю себе привести отрывок из стихотворения Якова Баранника, посвященного смерти Рябова и напечатанного в № 161 „Вольной Кубани“:

... Заплачь, Кубань родная,
О прежней вольности своей —
Твоих вождей уничтожая,
Враги готовят цепи Ей...

А. Ленин.

Ген. Богаевский и судьба войсковых капиталов В. В. Д.*)

II.

Судьба войсковых капиталов В. В. Д. волнует казачье общественное мнение, в соответствии с чем надлежит разоблачить детально все последовательные этапы расхищения войсковой казны Донского Казачества!..

Прежде всего надлежит знать о том, что войсковые капиталы В. В. Д. были вывезены за границу не просто ген. Богаевским, а Донским Атаманом ген. Богаевским, срок полномочий коего, как Атамана, истек 6-13 февраля 1922 года. Согласно Основных Законов В. В. Д. „Высшая исполнительная власть во Все-великом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману“ (Часть общая. Раздел I. — Глава I, пункт 3); „Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу“ (Часть общая. Раздел I. — Глава I, пункт 2). Итак, ген. Богаевский, вывезя войсковые капиталы В. В. Д. за границу, не мог единолично распоряжаться таковыми, ибо за границу прибыл и Донской Войсковой Круг!..

Прибыв на Константинопольский рейд на пароходе „Елпидифор“, Донской Войсковой Круг устроил ряд заседаний, на коих и принято было решение о сокращении расходов Донского Правительства до крайнего минимума, первым следствием чего должно было иметь место реформирование личного состава самого Правительства, ввиду сокращения последнего. Решением Войскового Круга была образована из членов Круга т. н. финансово-экономическая комиссия в составе: Мазанкина (председатель), Зотова и Лунченкова для контроля за ведением денежных дел Донского Правительства; для устройства Донских беженцев была создана беженская комиссия.

Первым мероприятием финансово-экономической комиссии Войскового Круга явилось ознакомление с состоянием материальных средств (деньги, товары и т. д.), находившихся в распоряжении Донского Правительства. Подобное действие финансово-экономической комиссии пришлось не по вкусу ген. Богаевскому, тем более, что комиссия начала определять размеры содержания членам правительственного аппарата, т. е. прежде всего ген. Богаевскому.

Резкая линия поведения, взятая комиссией при об-

суждении финансовых мероприятий Донского Правительства, не дававшая возможностей совершения произвола (читатель — обрати внимание!) в отношении войсковых капиталов В. В. Д., побудила ген. Богаевского издать распоряжение, согласно коему финансово-экономическая комиссия Войскового Круга отстранялась от контроля над денежными делами Донского Правительства; короче говоря, ген. Богаевский разогнал финансово-экономическую комиссию, устраняя тем самым возможность контроля и обеспечивая в дальнейшем полнейшую свою безответственность.. Подобная же участь постигла и беженскую комиссию Войскового Круга, члены которой были посланы в командировки, вследствие чего беженская комиссия, как таковая, перестала существовать, взамен чего ген. Богаевский образовал „беженский отдел“ при Донском Правительстве, где управляющим был войск. ст. Алексеев (калмык), а потом и П. А. Скачков.

Подготавливая к печати следующий очерк — „Ген. Богаевский и Донской Войсковой Круг за границей“, — мы ограничимся в данном случае указанием, что нахождение Донского Войскового Круга на Константинопольском рейде доставило не мало неприятных минут ген. Богаевскому... Были приняты „нужные меры“... и Донской Войсковой Круг, вместо переезда в Югославию, был экстренно и неожиданно для членов Круга отправлен 29 ноября 1920 г. в Болгарию, с местом высадки и поселения в глухой Мессемвриин...

Кто же продолжал оставаться в г. Константинополе? — Ген. Богаевский, ген. Апостолов — председатель Правительства, г. Корженевский — управляющий Финансовым Отделом, П. А. Скачков — управляющий Беженским Отделом, есаул Епифанов — Войсковой Контролер и г. Решетовский — юрисконсульт Правительства (назначен 31-го января 1921 г.), а равно и... войсковые капиталы В. В. Д.

Отстранив Войсковой Круг, ген. Богаевский, вопреки постановлению Круга, начал широко создавать новые организации, новые должности, оказывая тем самым материальную поддержку лицам, мало имевшим общего с Казачеством, но состоявшим в дальнейшем родстве и кумовстве с членами правительственного аппарата. Так, например, создание новой организации „Казачья Помощь“ не дало ничего положительного, ибо

*) См. № 144-145 „ВК“, январь 1934.

на помощь казакам было выдано в три раза меньше того, что получили лица, состоявшие в рядах администрации комитета „Казачья Помощь“, имевшего свои филиалы во всех странах казачьего расселения.

Сделавшись единоличным распорядителем войсковых капиталов, как же начал распоряжаться ими ген. Богаевский? Прежде всего определим, что в период с 1 января 1921 г. по 31 декабря 1926 г. уплата денег со стороны Донского Правительства по претензиям за прошлое время выражается суммой в 61025 франков (2441 доллар). Ставим вопрос, во что же обошлось содержание Н. Н. Решетовского, назначенного юрис-консульту Донского Правительства, ввиду возбуждения судебных исков против последнего... Ген. Богаевский вероятно никогда не обмолвится об этом, ибо после умершего сохранились кое какие весьма интересные материалы! К примеру: на каком основании донские коннозаводчики получили от Донского Правительства расценочные удостоверения в лирах за забранных у них лошадей!

Почему же ген. Богаевский не удовлетворил подобные претензии простых казаков!..

Занимая отличный особняк в г. Константинополе по улице Тарла-Баши № 42 (Пера), Ген Богаевский с своим окружением не очень снисходили к нуждам и горестям рядовых казаков различных рангов, возрастов и положений, кои не были связаны родственными или дружественными связями с членами правительственного аппарата.

Небезинтересно сравнить сумму расходов по содержанию Донского Правительства в период с момента высадки в Константинополе (18-20 ноября 1920 г.) и по 1-ое сентября 1921 г. — с суммой расходов по оказанию помощи казакам эмигрантам! Так содержание правительственного аппарата из нескольких человек обошлось в 227.231 франков (содержание личного состава Правительства в Константинополе — 155.700 ф., содержание помещений для канцелярий и Правительства — 39.641 ф., канцелярские и почтовые расходы — 8.030 ф., служебные раз'езды и командировки членов Правительства — 23.860 ф.), а помощь Донского Правительства донским казакам, численность коих определяется на 1 августа 1921 г. цифрой в 20.191 человек, за то же время равнялась всего лишь 194.408 франкам. Ужасающее сравнение, но „сытый (Донское Правительство во главе с ген. Богаевским), не разумеет голодного“ (20.191 чел. донских казаков).

Отсутствие определенной системы и плана расходования войсковых капиталов В. В. Д., а параллельно с этим и разгон финансово-контрольной комиссии Войскового Круга, возлагают тяжелую ответственность на ген. Богаевского. В самом деле, ген. Богаевский, оказывается, тем и занимался 13 с лишним лет в эмиграции, что растрачивал войсковые капиталы В. В. Д.

Если на хранение Донских Музея и Архива истрачено 84.850 франков в период с 1-го января 1921 г. по 31 декабря 1926 г., то невольно возникает вопрос: а где же Атаманская булава весом в 13½ фунтов червонного золота, стоящая многие сотни тысяч франков? Если Донское Правительство и ген. Богаевский израсходовали за тот же период времени 775,200 франков на хранение имущества, то где же это имущество? Ответ: продано. Но почему не указывается нигде в приходе сумма, вырученная от продажи того имущества? А ведь в составе имущества находилось, напр., две тысячи пудов серебра. Где же это серебро, почему Донское Правительство сообщило в свое время лишь расходы по реализации серебра, выразившиеся в сумме 11.320 франков? Серебро продано. Указана-ли сумма, полученная от реализации серебра, в приходе? Нет!..

Были-ли открыт текущий счет у Донского Правительства в заграничных банках? Нет, подобное положение не имело места. Следовательно войсковые капиталы В. В. Д. лежали на личном счету у частных лиц. Где же был Войсковой контролер, есаул Епифанов, на обязанности коего было вскрывать незаконные действия Донского Правительства? Оказывается, есаул Епифанов сам принимал главное участие в коммерческих предприятиях Донского Правительства (реализация процентных бумаг, ценностей и пр.).

Весьма странным является, что Донское Правительство не вело прихода-расходных книг, Войсковой контролер за этим не наблюдал; о ген. Богаевском и говорить не приходится... Известно, что Донское Правительство израсходовало в период с 1-го января 1921 г. по 31 декабря 1926 г. ни более, ни менее, как 258.200 франков на коммерческие предприятия. Казалось бы, что раз существовали коммерческие предприятия, то они приносили доход. Если же указываемые коммерческие предприятия постиг крах, то тогда надлежит указать, где именно и какие именно существовали коммерческие предприятия Донского Правительства! Оказывается, что никаких коммерческих предприятий не существовало до 31 декабря 1926 г., а расход в 258.200 франков „на коммерческие предприятия“ есть просто растраты доверенных лиц.

Далее, ген. Богаевский и Донское Правительство выдали Терскому Правительству ссуды в размере 127.425 франков, а Терское Правительство в конце 1922 года выдало ссуду во много сотен тысяч болгарских левов Донскому правительству! И как это Донское Правительство давало ссуды Терскому Правительству, когда даже одно иностранное государство пыталось сделать заем у Терского Правительства! Словом, с ссудами не все еще ясно.

Неужели ген. Богаевский полагает, что для казаков интересен лишь отчет о расходе? Например, Донское Правительство хранило Государственную ренту в

В 6-ом (58) номере „Знамени России“ (июнь, 1934. Прага), в статье г. Сергея Завадского „О российском и русском многоединстве“, есть такое любопытное место, весьма характерное для русских единоподелимцев:

... „украинские сепаратисты... мысленно захватывают себе также земли, принадлежавшие еще Москве ... или завоеванные Петербургом (как, напр., Новороссия и Кубань) только потому, что там большинство населения малорусы“...

— Для нас, конечно, не секрет, что и среди украинских сепаратистов есть некоторые „соборники“, которые „мысленно захватывают“ не меньше, чем захватили их братья по духу — русские единоподелимцы, но утешением для нас в данном случае является то обстоятельство, что таких „соборников“ далеко не так много, как „единоподелимцев“. „Соль“ же приведенного выше „пассажа“ г. Завадского для нас, казаков, — в утверждениях почтенного автора насчет Кубани: как это вам, братья казаки, понравится „открытие“ русского профессора о завоевании Кубани Петербургом и о том, что там „большинство населения малорусы“? — Какое и чье там большинство, это мы знаем лучше и „соборников“, и „единоподелимцев“. Но вот насчет „завоевания“, то здесь русский единоподелимец из „З. Р.“ „ошибся“ немного: Кубань действительно завоевана, но только не тогда, когда думает г. Завадский, и не Петербургом только, а и Петербургом, и Москвой на глазах у г. Завадского, который против этого тоже „не возражал“...

корзинах в Атаманской канцелярии, на корзинах спали денщики; однажды и исчезли бумаги той ренты на несколько миллионов рублей. Кто был подозреваем в краже? Чиновник Бельдинский!.. Что-же сделало Донское Правительство с ним? Ничего, еще и выдало несколько тысяч болгарских лев в качестве подъемных, ибо чиновник Бельдинский собирался уезжать... в советскую Россию... и действительно уехал. На каком основании казахи деньги были выданы чиновнику Бельдинскому, когда Донское Правительство объявило в „Казачьих Думах“, что никаких пособий не будет выдаваться казакам, уезжающим в советскую Россию. Почему Донское Правительство выдало деньги на дорогу русскому чиновнику Бельдинскому, подозревавшемуся в краже казачьих денег и уехавшему в советскую Россию?..

Весьма любопытен приказ по Всевеликому Войску Донскому № 115 (от 26 июля 1921 г.), подписанный ген. Богаевским, где говорится: „Всех беженцев - казаков прошу оказать содействие всеми доступными каждому средствами к собиранию розданных кассами Войсковых средств.“

Если этот мой призыв останется неслышанным, то предупреждаю, что всякий донской беженец, невозвративший вспомогательной кассе ссуды, без уважительной причины, в такое тяжелое время для Войсковой казны, будет лишен навсегда помощи из Войсковых средств, как здесь за границей, так и по возвращении на Дон, где конечно понадобится помощь Правительства.

Кроме того, такие беженцы неплательщики не могут рассчитывать на получение разрешения на выезд из территории того государства, где они сейчас находятся, без согласия Донского Правительства“.

Каким-же образом получил разрешение на выезд чиновник Бельдинский, каким образом получали разрешение от Донского Правительства на выезд те донские беженцы, которые в период с 1-го января 1921 г. и по 31 декабря 1926 г. растратили 5,993.725 франков (239.749 долларов) из состава войсковых капиталов В. В. Д.?

Собственно, и ген. Богаевский являлся и является всего лишь „беженцем“; какое-же право имел ген. Богаевский единолично распоряжаться расходом войсковых капиталов В. В. Д.?

Кто дал право израсходовать деньги войсковой казны В. В. Д. (в период с 1-го января 1921 г. по 31 декабря 1926 г.) в количестве 2.250.275 франков (90.013 долларов) на содержание правительственного аппарата, т. е. ген. Богаевского и Донского Правительства? Как-же расписаны израсходованные 2.250.275 франков? А так: 875.650 франков на содержание личного состава Донского Правительства, 225.850 франков на помещения и хозяйственные расходы Донского Правительства, 147.650 франков на служебные поездки членов Донского Правительства, 775.175 франков на „хранение имущества“ (т. е. одна треть означенной суммы пошла на хранение имущества, остальные две трети — жалованье юрисконсульта Решетовского и оплата его поездок), 215.750 франков — содержание Войскового контролера.

Донские казаки, в лице Донского Войскового Круга — хозяина Донской Земли, не давали никакого права ни ген. Богаевскому, ни его окружению тратить баснословные суммы из войсковых капиталов на их личное содержание!

Донской Корпус, насчитывавший многие тысячи строевых казаков, получил за тот-же период времени всего лишь 184.450 франков... от ген. Богаевского и Донского Правительства, содержание коих за то же время (от 1921 г. по 1926 г.) стоило 2.250.275 франков!

Ныне, когда ген. Богаевский объявил о том, что деньги Донского Казачества, вывезенные им (ген. Богаевским) за границу, израсходованы, что о остается делать донским казакам: быть может сидеть, сложа руки, и созерцать, как производят финансовые операции в т. н. „Казачьем банке“ наши казачьи банкиры?..

Без малого уже 14 долгих, страдных лет пребывают казаки за границей, но из многих тысяч казаков-эмигрантов всего лишь два казака сумели стать банкирами... Невольно приходится поражаться тем, что и ген. Богаевский, и г. Мельников выявили такие необыкновенные финансовые способности: именно в 1932 году изыскли войсковые капиталы В. В. Д., в том-же году и был основан т. н. „Казачий банк“ в г. Париже.

Не смущайтесь, казаки! Больше энергии, больше напору, — и дело расхищения войсковых капиталов В. В. Д. за границей будет вполне освещено. Правый и законный суд должен будет свершиться.

Сергій Савицький (Бразилія).

До Ерію.

Відкритий лист.

*Ті, які сіють несправедливість,
збирають ненависть і помсту.*

Французька приповідка.

Кричиш ти голосно в Європі
(Аж я в Америці почув!),
Що там, в Росії, дуже добре —
Про голод навіть ти й не чув...

Кричиш: ти був неначе в раї,
Ти бачив поступ, фабрики...
Скажи: Чи був ти й на Кубані?
Чи й там раюють козаки?

Відвідав Дон ти й Україну?
Коли кричиш, й про це скажи,
Що бачив в тих краях: руїну,
Чи може рай?.. та не бреш!..

Коли не був, скажи: Не знаю,
Чи є там голод, чи нема,
А що в Москві, то як у раю:
Багато хліба, є й вина...

Коли тобі бенкет давали,
Під охороною чеки,
О, Ерію, там вимірали
Опухлі в тюрмах козаки...

Ти мелодійну чув музику,
Сторічне пив міцне вино.
Не чув ти мільйонів крику,
Що голодають вже давно.

Так, ти не чув голодних крику...
Не знав, що там коса страшна,
Як слухав ти в Москві музику,
Косила більш, ніж та війна.

Так, ти не чув голодних крику,
Що кров стинав у жилах нам...
Ти вів політику „велику“,
На слово вірив брехунам...

Так ти не чув голодних крику...
А жаль: скотилася б сльоза...
І не підносив би велику
Тюрму в письмі під небеса.

Так, ти не чув голодних крику...

Не вірю я, не вірю, ні!
Ти чув, французе, й ту музику,
Яку грав голод на півдні...

Там діти гинули, мов мухи,
Там люди їли — знай! — людей.
А злі чекісти, чорні духи,
Купались в людській крові в день,

Як від голодних забирали
Останнє збіжжя під мітлу...
Тебе ж булками, бач, приймали, —
Ти певно ззів їх неодну?!

Ба, ти політику „велику“
З тими бандитами там вів.
Вдаєш, що слух не чув твій крику,
А тільки милий райський спів...

Ти світових хвалиш бандитів...
Ще і полковником їх став!..
Як перестанеш їм кадити
Вважай, щоб „к стєнке“ не попав.

Пощо, скажи, хоч світ дурити:
Про голод той він знав давно.
Ти з людських мук хотів покрити...
Ти може й з кров'ю пив вино?!

Хотів ти голод затаїти,
Дітей на смерть катам продать...
Чим завинили бідні діти,
Що їх так мав ти покарати?...

Щоб там те пекло змалювати,
Немає фарб, немає слів...
А ти, о, Ерію, писати
Почав катам похвальний гімн!..

Живуть там люде гірш худоби:
Працюй, а їсти... вибачай!..
Не в дикій Африці, в Європі
Такий на півдні є відчай...

... І мруть, мов мухи, мільйони...
А світ, культурний світ, мовчить!..
Лиш де-не-де задзвонить в дзвони...
А в відповідь Москва гарчить,

Мов лютий звірь: — Не маєш права
В мою державу лізти ти:
То там з підданими розправа,
З ярма що хочуть утікти...

То там моя у сітях жертва:
Що хочу з нею, те й зроблю!
Вона сама не хоче вмерти,
Так я, Москва, її доб'ю...

О, кайсь, пиши, дзвони у дзвони:
— Москва вчинила голод!.. Там
Вмирають з голоду мільйони,
Страшний я голод бачив сам...

Коли ти маєш ще сумління,
Негайно бий в тривоги дзвін.
Зворуш ти світові сумління
І покажи йому де він,

Той голод, що роками,
І день і ніч, жнива справля.
І та, засіяна хрестами,
Благославить тебе земля.

Коли ж не будеш так писати
Про те пекельне джерело,
То серце, будем всі ми знати,
Твоє вже шерстю поросло...

Я в справедливість Божу вірю:
Творця небесного рука
Не дасть живцем ізїсти звірю
В ярмі ворожим козака.

P. S.

Ти грамотний, читати знаєш:
Візьми „Matin“ і прочитай.
... А ти інакшої співаєш!..
То ж і мені ти вибачай.

Казачья емиграция.

На Большой Круг ВК.

От членов ВК хутора в Воло (Греция) поступило:
Д. М. Киндеева, И. И. Чернова и В. И. Пермякова по
50 драм; от Е. Ф. Левина 90 драм, от Н. И. Дамас-
кина, С. И. Киреева и Ф. Г. Колбасина по 20 драм,
всего 300 драм (триста), каковые и хранятся в хутор-
ском правлении.

Согласно объявлению в № 152 „ВК“ редакция при-
ступила к постепенному возвращению взносов г. г. „оп-
позиционеров“ в фонд Большого Круга ВК.

Возвращены: г. С. Балыкову 20 к. ч. (см. № 95 „ВК“) и г. Б. Фесенко 18 к. ч. (см. № 101 „ВК“).

ВК в Ч. С. Р.

Воззвание ко всем казакам, живущим в Чехословац- кой республике.

Тяжелые, темные тучи нависли над Казачьим На-
родом. В Казачьих Землях красные русские выдумы-
вают и проводят в жизнь самые совершенные и под-
лые способы уничтожения Казачьего Народа. Он же,
обобранный догола, голодный и холодный, но не по-
пкорившийся душевно, готовится к последнему роко-
вому 12 часу своей борьбы из под ярма Страны Слез,
Страданий и Рабства (СССР). К этой последней схват-
ке готовится не только Он, оставшийся (или брошен-
ный своими б. Войсковыми Атаманами в Новороссий-
ске) на Казачьей Земле, но готовится и созидатель-
ная часть казачьей эмиграции, организовавшаяся в

строинные ряды Вольного Казачества. Будитель Казачьего Народа собирается пробить 11 час, и откроется заседание Большого Круга Вольного Казачества — этого наивысшего проявления казачьего народного самосознания и казачьей государственности.

В.-казачий хутор в Новом Книне постановил на своем сборе 17. VI. напомнить всем казакам, живущим на территории Чехословакии, об их обязанности и долге перед Казачьим Народом:

Казак, проживающий в Чехословакии, ты уже исполнил свой долг? Стал в ряды Вольного Казачества? Организовался в в.-казачьи станицы или хутора? Готов ты уже к 11 часу, и не будешь ли ты, казак, краснеть, когда наш Будитель пробьет 12 час, начнется последний решительный бой (здесь в эмиграции и там, в Казакии) за Казачью Свободу, а твои одностаничники покроют тебя позором и проклятием, не найдя тебя в рядах ВК?

В последнюю Казачью освободительную борьбу 1918-20 г. было много между нами „фронтовиков-нейтралитетчиков“. Они не принимали участия в борьбе казачьих стариков и казачат за свой Казачий Присуд. И присоединялись только тогда, когда на собственном опыте испытывали сладость русского красного или белого рая.

Мы, казаки В.-казачьего хутора, с болью в сердце видим, что после пережитых тяжелых 1918-20 г. г. и лет эмиграции эти „фронтовики-нейтралитетчики“ живут еще и теперь между казачьей эмиграцией в Чехословакии. Работают они везде и всюду, во всех эмигрантских организациях, но боятся или не желают свои казачьи силы отдать Казачьему Народу. Называются они сегодня „младороссами“, „монархистами“, „социалистами правыми или левыми“ или просто „русскими“, стыдятся даже называться казаками.

Сегодня мы обращаемся ко всем казакам в Чехословакии с воззванием, чтобы каждый казак, в котором течет еще кровь казачья и которому дорого имя казака, вышел из „модерней фронтовщины“, из организаций не казачьих, заявил нашему Будителю и редактору „ВК“ о своем вступлении в ряды Вольного Казачества.

Казак, проживающий в Чехословакии, помни, что Вольно-казачий звонарь уже стоит у Казачьего Колокола и готовится пробить 11 час... Смотри, казак, чтобы к этому времени ты уже вышел из эмигрантской толпы и вступил в ряды вольно-казачьей политической армии! Смотри, казак, проживающий в Чехословакии, чтобы тебе не пришлось от стыда опускать глаза, когда через некоторое время наш звонарь пробьет 12 час, а твой дед, отец, жена и сын, изнывающие под тяжестью и жестокостью русского красного рабства, спросят: „Что же, сынок (или пананя), где же ты был за границей и что ты сделал для нашего освобождения?“

Казак, проживающий в Чехословакии, брось свой вредный нейтралитет, выйди из чужих нам организаций и организованным в.-казачьим хутором или группой влейся в сильные ряды Вольного Казачества.

Казакии слава!

Атаман вольноказацкого хутора в Новом Книне:
Георгий Милькин.

ВК во ФРАНЦИИ.

Приговор № 1.

станцы вольных казаков в г. Крезе
от 9 июня 1934 г.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, живущие в г. Крезе, на станичном сборе, состоявшемся 9 сего июня, постановили:

1. Стать на истинный казачий шлях и идти но нем с истинными казачьими националистами к заветной цели — освобождению казачьего народа из под московского ига и образованию самостоятельного государства — Казакии; с этой целью — образовать станицу вольных казаков в г. Крезе.

2. Избрать должностных лиц. Избранными оказались: ст. атаман — М. Ф. Белов (дон.), пом. ст. атамана — Е. И. Круш (куб.), казначей — П. Л. Воробьев (дон.), писарь — Г. Я. Фурса (куб.), кандидаты — В. Н. Смазнов (дон.) и М. М. Бородин (куб.), ревизионная комиссия — Л. Г. Павлов (дон.), М. М. Горелов (дон.) и М. С. Каштанов (дон.).

2. Копию настоящего приговора представить г. Окружному Атаману А. К. Ленинову и просить его сообщить об этом в Центр ВК в Праге, возглавляемый инж. И. А. Билым, которого мы признаем единственным проводником Вольно-Казачьей Идеи.

Подписали: Г. Фурса, М. Горелов, П. Воробьев, Б. Каштанов, В. Смазнов, А. Куш, Г. Емельянов, Н. Голубов, Д. Малахов, Е. Круш, М. Бородин, М. Белов, Н. Куприянов, Ф. Деметьев, З. Говорков, Е. Смерткин, Мандрыкин.

В. г. Южине.

17 сего июня гор. Южин посетил Окружной Атаман вольных казаков во Франции А. К. Ленинов. Для встречи Атамана выехал в ближайший город Альбертвилль ст. К. У. Грошев.

В 11 ч. утра Окружной Атаман, в сопровождении вольных казаков и казачек, отбыл на местное кладбище, чтобы поклониться праху покойного своего соратника по борьбе за казачью самостоятельность — бывшего станичного атамана в. к. города Южина, полковника В. И. Балабина. Перед могилой Окружной Атаман произнес краткую речь, посвященную покойному атаману.

По возвращении с кладбища был устроен станичный сбор, который должен был привести в порядок дела станицы. Сбор решено было устроить на квартире одного из вольных казаков.

В 2 часа дня сбор был открыт А. К. Кравцовым, как хранителем станичных документов и печати после отказа Орехова от атаманства. Объявив сбор открытым, председательствующий предоставил слово А. К. Ленинову.

Окружной Атаман познакомил присутствующих с теми политическими группировками, которые являются противниками вольно-казачьего движения; затем говорил о „болезни“ Богаевского, о Мельникове, о расстрате Войсковой казны и продаже документов большеви-

... „В Японии назревает решимость разрубить запутанный узел своих отношений с СССР раньше, чем этот последний успеет вступить в Лигу Наций“... („П. Н.“ № 4838 от 22 сего июня).

... „В беседах двух диктаторов весьма серьезную роль играл вопрос об отношениях с СССР... Гитлер пытается заманить Муссолини перспективой войны против России и в Азии и в Европе. Эта война непременно приведет к падению большевицкого режима, если только другие европейские государства не выступят на стороне России“... („П. Н.“ 25 июня 1934).

пов (донец), казак украинец Зубко, г-жа Зубко, казначей М. И. Краснопахтов (куб.), председатель кружка сотник А. Г. Дронов (донец), под'есаул А. А. Киселев (донец), представитель журнала „ВК“ в Лилле В. Т. Богданов (куб.), хорунжий В. А. Чекин (донец), подхорунжий И. К. Кривонос (донец).

Просветительный кружок в. к., имени Атамана Кондратия Булавина в гор. Туркуане во Франции (см. предыдущий номер журнала):

Сидят слева направо: г-жа Дронова, Окружной Атаман в. к. во Франции А. К. Ленинов, приглашенный отслужить молебен — настоятель прихода протоиерей Иоанн Попов, помощник председателя сотник И. В. Федотов (донец) и г-жа Антипова.

Стоят слева направо: секретарь С. М. Анти-

кам, о новом казачьем союзе, об „оппозиции“; потом коснулся предстоящего Большого Круга ВК, который должен собраться в конце настоящего года, и познакомил с работой Центра ВК. После этого А. К. Ленинов напомнил, что день 17 июня — день, в который была отсечена в Московском Кремле глава славного Донского Атамана С. Т. Разина, память которого, по предложению Окружного Атамана, была почтена вставанием. День 17 июня является также днем памяти запорожских атаманов, которые после разгрома Сечи сосланы были в ссылку, где и погибли. Память их также почтили вставанием.

После этой речи Окружной Атаман задал вопрос: должна ли существовать в Южине станица? Сбор единогласно постановил: должна. Немедленно же приступлено было к выборам правления, результаты которых за протоколены в приводимом ниже приговоре.

Провожали Окружного Атамана все вольные казаки и казачки — члены реорганизованной станицы.

А. Кравцов.

ПРИГОВОР

Вольно-Казачьей станицы в Южине
17 июня 1934 г.

Мы, нижесподписавшиеся казаки Вольно-Казачьей станицы, собравшиеся сего числа на станичный сбор под председательством станичника А. Кравцова, постановили: выбрать станичное правление, ввиду отказа станичного атамана И. С. Орехова от атаманства.

Атаманом станицы выбрали единогласно А. К. Кравцова; помощником станичного атамана и писарем — С. Разливаева; казначеем станицы — М. Козлова; в ревизионную комиссию: председателем — А. Ивановскова, членами — Грошева и Мангатова

Председатель сбора: А. Кравцов; члены сбора: С. Разливаев, А. Ивановсков, Н. Конунов, Грошев, Марков, М. Ковлов, Мангатов, Кравцова, Грошева, Разливаева, Козлова, Циденов.

В Лионе.

26 мая с. г. правление союза в. к. имени Донского Атамана Самойлы Лаврентьева устроило собрание, посвященное памяти своего шефа. Председательствовал Н. Н. Юров. Выступивший в качестве докладчика А. К. Ленинов кратко и ясно ознакомил присутствующих с политическим и религиозным движением на Дону с 1671 по 1708 г.

1678-й год. Экономический кризис, приведший к „Разиновщине“, продолжался. Приток эмигрантов на Дон возрастал. В 1671 году на Дону, близ Хопра, черны поп проповедывал, что „не нужно нам молиться за царей“. Его схватили и сожгли в Черкасском городке. Влияние Москвы на дела Дона возрастало. Казачество верило слухам, что в Московии неспокойно. В 1683 году прошел слух, что донские казаки, которые были в Москве в „легких станицах“, — все перевешаны, а другие „без вести пропали“. Большинство казаков относилось сочувственно к старшине Чюрносову. Начались разговоры о необходимости похода на Москву. Петр Мурзенко заявил: „Лучше быть на каторге, чем на Москве“. Чюрносов грозился так: „Учню, что задрожит от меня и Москва вся“. Поп Самойло Ларионов и Чюрносов посылали письма свои на Яик и Терек, чтобы „не слушались ни царей, ни патриархов, а крепко держались за веру старую“. В 1687 г. Москва неожиданно и резко потребовала у Дона выдачи раскольниковых вождей. В списках значилось и имя бывшего Войскового Атамана Самойлы Лаврентьева. Ему ставили в вину не только покровительство старообрядцам, но и то, что при нем был принят на Дон раскольниковый проповедник Самойло Ларионов, который стал служить по старым книгам, не помяная на великом выходе ни патриарха, ни „великих царей“. Кроме того, Лаврентьев созвал на пасхальной неделе Круг, который утвердил это. Московская партия была бессильна. Осмелившиеся выступить за государей казаки Василий Инжиров, Фома Голодный и поп Василий едва не были убиты. Тот же Круг запретил называть старообрядцев „раскольниками“. Другой проповедник, Кузьма Косой, призывал казаков идти на Москву. Вернувшийся с похода Фрол Минаев настоял на Круге о выдаче его в Москву, а Самойле Лаврентьеву пришлось покинуть Атаманство... В Москву во главе Зимовой Станицы послан был Кирей Чюрносов. На царскую грамоту о выдаче Лаврентьева верхние городки ответили запрещением выдавать Атамана, заявив, что с Дону выдачи нет. Едучи в Москву, Чюрносов открыто готовил по пути на север силы, которые должны были идти на Москву по его возвращении. Члены московской партии, соблюдая чрезвычайную конспирацию, решили послать в Москву донос на Чюрносова, умоляя не отпускать его на Дон, ибо „по возвращении его на Дону подымется такой же мятеж, как и при Разине“. 5 марта 1688 г. Атаман Зимовой Станицы Чюрносов с есаулом Иваном Рабыциным, Петром Смирным, Рыковским Федотом, Морозом Чирским и др. был схвачен в Москве. 7 апреля на Дон прибыл толмач Никитин,

предъявивший требование о выдаче Лаврентьева. Казаки-„новоприходцы“ и верхние городки вновь запротестовали, но все же Круг постановил выдать Лаврентьева и его сообщников. 10 мая 1688 г. в Москве, на Красной площади, под топором московского палача упали головы десятка казаков, в числе коих были Чюрносов и бывший Войсковой Атаман Войска Донского Самойло Лаврентьев... Выдача Лаврентьева была предпринята экономической зависимостью Дона от Москвы...

Доклад свой А. К. Ленинов закончил под громкие аплодисменты.

(Соб. кор.).

От правления станицы вольных казаков имени А. И. Кулабухова.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах журн. „ВК“ отчет о пожертвованных деньгах, собранных станицей вольных казаков имени А. И. Кулабухова для помощи пострадавшему казаку С. А. Бендюку.

Пожертвования поступили от следующих лиц: А. И. Лебедин 50 фр., М-г Brossy 5 фр., Удовник 1 фр., Неизвестный 5 фр., подпись неразборчива 2 фр., Дорофеев К. 5 фр., Потеронов 2 фр., Мельников 2 фр., Алимов 2 фр., подп. неразб. 2 фр., Н. 1 фр., А. Додура 5 фр., П. Сидоров 2 фр., И. Скобелин 5 фр., Кудрявцев 5 фр., подп. неразб. 2 фр., Реуцков 5 фр., подп. неразб. 3 фр., Стефан 2 фр., С. Г. 5 фр., А. Затенко 20 фр., К. Реуцков 1 фр., подп. неразб. 2 фр. 50 с., Д. П. Линник 15 фр., Б. Миргородский 5 фр., С. Н. Федосеев 25 фр., г-жа Федосеева 25 фр., Е. Чертков 10 фр., Головкин 5 фр., Сокольский 2 фр., Дмитриев 2 фр., Збронский 5 фр., Калига 5 фр., подп. неразб. 2 фр., Уваров 2 фр., Макаренко 2 фр., Захаренков 1 фр., Лещенко 2 фр., Гетмак 1 фр., Сокол 2 фр., Бабич 5 фр.

Всего: 264 фр. 50 с.

Означенная сумма передана пострадавшему под расписку, которая хранится при делах станицы. Правление приносит глубокую благодарность жертвователям.

П р а в л е н и е.

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

Ответ А. С. Тырину.

Воля!

Многоуважаемый станичник Тырин, простите, что мы отвечаем Вам через журнал, но вы не сообщили нам своего адреса.

Большое спасибо за письмо и 5 швед. кр., которые послужат нам необходимым орудием в нашей начинающейся работе.

Вы правы, уважаемый станичник. Вспыхнул огонек в сердцах казаков, но не у всех он одинаково разгорелся. На призыв вольных казачек из Югославии еще не все откликнулись казачки из других государств.

Но будем надеяться, что организация казачек уже идет, и мы не останемся одинокими в работе.

Слава Казачеству!

С в.-к. приветом: Председательница Союза в. к., имени Галины Булавиной в Кор. Югославии Е. Черная.

Секретарь: Клавдия Мерзликина.

15-VI-1934. Белград.

Доклад д-ра Трушновича о положении на Кубани.

Не успели Белградские казаки очнуться от Воронцовских „откровений“, как вдруг — Мокролужский курень объявляет: в пятницу 8 сего июня д-р Трушнович, проживший на Кубани и Украине 13 лет, расскажет о положении на Кубани.

Решили казаки пойти и на сей раз: авось, думали, — этот расскажет правду; этот жил на Кубани, иностранец — не соврет.

В течение полутора часа докладчик рассказывал о том, как проводилась коллективизация на Кубани, как отбирали у казаков хлеб, имущество, лошадей и т. д. По его признанию он, как активный работник, тоже принимал участие в этом, ходил по дворам и отбирал последние фунты зерна у обнищавшего населения. Прожил д-р Трушнович на Кубани 13 лет, закончил в Екатеринодаре образование, служил врачом в ст. Приморско-Ахтарской, но говорил таким ломаным языком, что присутствующие еле разбирали, что он говорит.

Казалось бы, прожив столько времени среди казаков, соприкасаясь с ними во всех видах жизни, кроме материальной стороны, можно было заметить и духовную жизнь Казачества, т. е. какова его в настоящее время идеология, как думают казаки о будущем устройстве жизни, какие лозунги выставляются в борьбе с властью и т. д.

Докладчик все время вертелся возле коллективизации и ее отрицательных сторонах, приводя примеры, а о том, что наиболее интересует казаков-эмигрантов, о надеждах, чаяниях казачьих — ни слова.

Присутствовавшие „каз. вожди“, которых эта сторона казачьей жизни, казалось, должна бы была наиболее интересоваться, смиренно слушали, повесив головы, и пожалуй на этом и закончился бы доклад, если бы не присутствовавший самостийник Н. Дмитренко, заставивший докладчика пролить немного света на действительное положение и чаяния Казачества.

Н. Д м и т р е н к о (вопрос был задан в письменной форме): Каковы думы казачьи на случай падения большевиков, т. е. как думает Казачество устроить свою будущую жизнь?

Д-р Трушнович: Население там так перемешалось... страдают одинаково и казаки, и красные партизаны... Знаете... наиболее думают казаки о земле... Землю отобрали... Земельный вопрос нужно разрешить.

Н. Д м и т р е н к о: Разрешите задать вопрос с места. В сов. печати, в Ростовском „Молоте“ за декабрь 1932 г., в передовой статье пишут: власть уничтожает казаков за местный национализм и местное самостийничество. Правда ли это? Есть ли там такие течения?

Д-р Трушнович: Да... Это сепаратистическое движение я встречал... Но это единицы. Общего движения нет...

Н. Д м и т р е н к о: У меня в кармане — письмо казака, бежавшего в 1933 г. с Кубани. Между прочим он пишет: „Думы казачьи — свержение власти, хотя бы при помощи извне, и восстановление своей самостоятельности. Есть ли это там? Думают ли там так казаки?“

Д-р Трушнович: Я сказал... единицы встречал... Да, казаки думают восстановить свое Войско... Все там перемешались... Общее настроение по всей России такое, что если предложить, например, Саратовской губ. освободить ее от большевиков, — она согласилась бы жить отдельно... Общих движений нет...

Н. Д м и т р е н к о: Вся советская и эмигрантская печать в последнее время наполнена известиями о ра-

Ген. Науменко — русский сокол.

В апрель-майском номере „К. К.“ напечатано:

„5 мая с. г. в Белград прибыл ген. м. Науменко, как старшина Русского Сокола в Кральево, для участия на сокольском празднестве по случаю 10-тилетия основания „Русского Сокола“ в Королевстве Югославия“.

— Везет же русским!..

Оновательниці Сою-
за вольных казачек
имени Галины Булави-
ной в Югославии.
Стоят (слева напра-
во): Е. К. Козлова,
П. И. Анищенко (член
рев. ком. союза), К. Т.
Щепихина, К. А. Мерз-
ликина (секретарь со-
юза). Сидят: И. Д.
Резникова (помощник
предс. союза), Е. И.
Черная (председ. сою-
за), Т. М. Дмитренко
(казначей союза).

стущем национализме на Украине, в Белоруссии, в Казачьих Облациях, Грузии, Сибири... Есть ли там эти движения?

Д-р Трушнович: Я уже говорил... На Украине такого движения совсем не встречал... Все там перемешалось; да, сепаратистов встречал... единицы... Но на этом закончим доклад...

Персиянов: Разрешите вопрос... Вот вы рассказывали о положении там, на Кубани... там, значит, так и есть? Это правда?..

Д-р Трушнович: Да, так... Закончим доклад...

Из сбивчивых, неясных ответов все же можно заключить, что докладчик старался что-то скрыть, но все же против своего желания подтвердил то, о чем бьет тревогу все эмигрантские вожди: рост сепаратистических движений в С. С. С. Р. Казакам-эмигрантам нужно лишь уяснить себе это основательно. Самостоятельность там есть... Там казаки думают „восстановить свое Войско“. Там, несмотря на ссылки, тюрьмы и расстрелы, Казачество думает о своей самостоятельности...

Все козни, злоба, клевета твердолобых вождей не остановят уже могучего порыва Казачества к осуществлению многовековой мечты — „жить, как жили деды“ — свободной жизнью человека, а не раба.

(Соб. кор.)

† Ген. В. М. Родионов.

8 июня с. г., после продолжительной и тяжелой болезни, на семьдесят шестом году жизни скончался ген. Василий Матвеевич Родионов, казак ВВД (в Крань, Словения).

Мир праху его.

ВК в ГЕРМАНИИ.

Вольно-казачья пропаганда.

В окрестностях города Руте, где находится вольно-казачий хутор имени И. А. Билого, проживают в одиночку некоторые казаки. Эти казаки не имеют возможности услышать казачий голос. Вместо переписки, хуторское правление решило установить с ними живую связь.

20 сего мая мы, хуторской атаман и помощник хуторского атамана, поехали сначала в город Грунау, где живет один донец. Туда же приехал и другой до-

нец, проживающий в одном из соседних сел. Пришло также и несколько русских эмигрантов. Мы познакомились с Вольно-Казачьей идеей; как сумели, разъяснили им, в каком положении находился и находится казачий вопрос; и как нужно приступить к правильному решению этого вопроса. Мы были очень внимательно выслушаны, а когда кончили свой доклад, донец В. Вихлянецв поблагодарил нас и сказал несколько слов о том, что до сего времени казаков часто обманывали, а как на пример, указал на Войсковых Атаманов, которые больше чем кто либо виновны в том несчастье, которое постигло Казачество, и которые, очутившись вместе с казаками за рубежом, перестали ими интересоваться... Был еще полковник Карташов, который тоже обманул казаков. Бывший наш Войсковой Атаман Краснов тоже, поговорив, бросил нас. Вот почему казаки относятся теперь ко всему с такой осторожностью...

После В. Вихлянцева выступил один русский, М. Хохлов:

„Вот вы только что объяснили свою казачью идею. Нам все это мало понятно. Ведь мы все славяне — и казаки, и русские. Почему же казаки отделяются теперь от России? Раньше мы все служили батюшке-царю и матушке-России, а теперь начинаем делиться. Раньше не было деления на казаков и русских, а была одна Россия, и история одна была... Никакой казачьей истории не было, а теперь откуда-то взялась история казачья и выходит, что было казачье самостоятельное государство. Скажите, пожалуйста, откуда все это...“

Мы объяснили: — Русское правительство умышленно скрывало от казаков и русских историю Казачества. До Петра I существовало самостоятельное казачье государство, которое тот русский царь завоевал. А звалось оно раньше Великим Войском Донским. Потом оно начало называться Войском Донским и, наконец, — просто Донской Областью... А когда к нам пришли большевики (тоже русские), они даже и казаками нас не называли, а просто „гражданами“. Таким образом, начиная с Петра I, все русские цари и все русские правительства вели себя совершенно одинаково по отношению к казакам: Казачество, как самостоятельное государство, уничтожали, а у казаков постепенно отбирали все права... Теперь мы, вольные казаки, боремся за восстановление наших прав и за воссоздание само-

стоятельного казачьего государства. Мы желаем быть хозяевами на своей собственной земле, в собственном доме, хотим сами распоряжаться своим добром... Когда кто набудь придет к вам в хату и начнет без вашего согласия распоряжаться вашим добром, что вы ему скажете?

Ответ: „Я возьму палку и выгоню его со двора“.

— Вот так и мы, казаки, намерены поступать с теми, кто, не спросив нас, намерен распоряжаться нашим добром... Признаете ли вы за нами это право?

Все русские ответили утвердительно. Мы их поблагодарили за это и... решили поехать к казаку Оренбургского Войска И. Т. Шевцову, который живет в деревне Дунзин. С нами вместе поехал и казак Вихлянец. Оренбуржец принял нас очень хорошо. Мы и ему объяснили вольно-казачью программу. Он поблагодарил нас за казачье слово, которое его очень тронуло, и в свою очередь стал говорить о нехорошем поведении Атаманов, которые завели нас на чужбину и бросили на произвол судьбы. И. Т. Шевцов сообщил также, что как-то, два года тому назад, он написал письмо Мельникову, но ответа до сих пор не получил... Вот как заботятся „водители“ о казаках. В заключение, сказав, что вольно-казачья идея — хорошая, от спросил, откуда мы получаем вольно-казачью литературу. Мы ответили, что журнал „ВК“ получаем из нашего центра в Праге, и что издается этот журнал затем, чтобы пробудить Казачество и указать ему прямую дорогу, по которой оно должно идти. Он призывает на этот путь всех казаков, а мы, казаки, раз желаем себе добра, должны откликнуться на этот призыв. Все мы знаем, что один в поле — не воин, а врагов у нас много — всех их надо одолеть. Все казаки должны стать, как один, в вольно-казачьи ряды, чтобы образовать один мощный кулак.

В Казаки.

Казачество победит!

На приеме у „всесоюзного старосты“ Калинина „ударница“ одного из колхозов Донецкой области Хижнякова просила советского президента передать вождю пролетариата Сталину, что в 1934 году колхозники станут зажиточными. Уверена ли в этом сама Хижнякова или нет, — мы не знаем. Если она действительно верит в скорое наступление земного рая для колхозников Казачьих Краев, то она просто на просто — дура, ибо нужно поистине иметь вместо головы сушеную кубышку, чтобы надеяться на „благорастворение воздушных и изобилие плодов земных“ теперь, когда с особенной силой разгорается борьба местного населения с властью завоевателей Земли Казачьей, и когда именно все говорит за то, что в скором времени русские большевики окончательно поломают зубы...

Едва ли, однако, тов. Калинин поверил хлудско-верноподданическим словам не казачки Хижняковой, ибо это русско-коммунистическое „высокопревосходительство“ не может не знать истинного положения в Казачьих Землях. Калинин прекрасно знает, что в Казачьих Областях — далеко не все благополучно, и что это постоянное и все более и более возрастающее „неблагополучие“ является следствием упорной борьбы казачества с оккупантами решительно на всех фронтах: в поле, в транспорте, в кооперативе и даже, судя по последним сообщениям „Молота“, в печати.

И. Т. Шевцов, поблагодарив нас еще раз, изъявил желание немедленно вступить в ряды Вольного Казачества.

Так постепенно пополняются ряды борцов за казачью Волю.

Атаман хутора имени И. А. Билого в Руте

П. Д. Чипликов.

Помощник атамана Рошин.

11.VI.1934 г. Германия.

В ВК хуторе в Руте.

10 сего июня состоялся хуторской сбор ВК хутора имени И. А. Билого в Руте, на котором произведены перевыборы хуторского правления. Избранными оказались: атаманом — остался П. Д. Чипликов; помощником, он же и казначей, — А. И. Рошин; писарем, вместо отставшегося Ф. А. Киселева, избран Н. И. Качалин.

(Соб. кор.).

ВК в ГРЕЦИИ.

ВК хутор в Воло.

9 апреля с. г. состоялся сбор общеказачьего хутора в Воло, на котором решено переименовать общеказачий хутор в Вольно-казачий хутор в Воло.

На том же сборе, признавая ВК Центр в Праге, возглавляемый инж. И. А. Билым, решено всячески поддерживать его в его работе по созданию казачьего государства и в своей работе руководиться только директивами из Праги.

(Соб. кор.).

Московская красная власть, с своей стороны, решила не мытьем так катаньем добиться ликвидации казачества, которое стало ему поперек горла.

Чья возьмет, покажет ближайшее будущее. Мы, веря в непоколебимость казачьего духа и в правоту казачьего дела, убеждены, что победителем окажется Казачество, и что Москва, решившая проглотить его, подавится.

Борьба в поле.

В мае советская пресса вела активнейшую кампанию за „добросовестную“ прополку. Судя по сообщениям „Молота“, кампания эта не дала никаких результатов: дело с прополкой обстоит настолько плохо, что 3 июня „М“ печатает аршинными буквами на первой странице: „Задержка с прополкой пропашных грозит огромными потерями урожая“.

Дело не только в задержке, а и в том, что и произведенная прополка — из рук вон плохо. Весенний сев тоже, как уже известно, блестящим образом провалился, не будучи выполнен в размерах плана. Так же плохо обстоит дело и с сеноуборкой.

Приводим прежде всего отзывы специальной комиссии о работе „сравнивающих“ районов Азово-Черноморского Края (комиссия эта состоит из следующих лиц: Шаулян, Березин и Ароцкер):

„Майкопский, Лабинский и Белореченский районы. Все три района нарушили договорные сроки сева —

24-25 дней. Белореченский район безобразно затянул сев колосовых. Директору Белореченской МТС за плохую работу был вручен „орден болтуна“.

„Матвеево - Курганский район. Матвеевокурганцы обязались весь сев провести в 33 рабочих дня, а фактически сев продолжается около 60 дней“.

„Новочеркасский, Константиновский и Цымлянский районы. Все три района сильно затянули сев. Константиновский и Цымлянский районы не выполнили плана и недоброкачественно ведут полку. В Константиновском районе хуже всех идет Дубенцовская М. Т. С. Директору этой МТС вручен был „орден болтуна“.

„Пролетарский и Зимовниковский районы. Оба района не выполнили своего обязательства — закончить сев в 25 дней. Взаимная проверка обнаружила плохое качество сева“.

„Северная область. Северная область на 25 мая прополола колосовых менее 50% плана. Хуже всех полет Морозовский и Обливский районы (28 и 12 проц. плана). Вешенский район идет и на севе, и на прополке на последнем месте. Хуже всех работает Вешенская МТС“.

*

А вот несколько выдержек из „М“, рисующих картину работы отдельных колхозов:

„Колхоз „Красный партизан“, Петропавловской МТС, Курганского района, полет хлеба, не проверяя качества.

Ударная работа инспектора по качеству Ждамирова не поддерживается руководителями колхозов. Воспользовавшись этим, кулацкие элементы стараются помешать работе Ждамирова. Во время работы у него в станице украли корову“...

*

„В Фастовецкой МТС, Тихорецкого района, из 11 колхозов только один им. Шеболдаева начал сеноуборку. В остальных колхозах руководители даже считают лишним говорить о сеноуборке:

— Вырастет трава, — там видно будет, как убирать.

В этих колхозах не хотят готовить и силоса. Донник, береза и другие сорняки сплошь покрыли посевы колосовых. Полка идет скверно“.

*

„В ряде районов края, и особенно в восточных, начинают гулять кулацкие теории, что косить нечего, что надо ждать осеннего укоса. Самый беспощадный оппор должны встретить такие настроения. Если травостой не везде хороший, то это тем более обязывает к лучшей организации уборки лугов“...

*

„В Иркилевской МТС, Тихорецкого района, из 19-ти паромолотилок, 6 комбайнов и 9 сноповязалок полностью не отремонтирована еще ни одна машина.

Директор МТС Ковальчинский и зав. МТМ Дьяченко не чувствуют никакой ответственности за ремонт. Паромолотилки без дефектных ведомостей. В бригадах нет графиков. Инструмент обезличен, материал вовремя не доставляется. На поиски материалов и инструментов рабочие ежедневно затрачивают по 2—3 часа. Вокруг сверлильного станка часто образуется очередь, а бывает и так, что никого нет. Беготни много, а работы не видно“...

Думаем, что выше приведенные выдержки в комментариях не нуждаются.

„Классово-чуждые элементы“.

„Молот“ от 30 мая с нескрываемой тревогой сообщает о том, что

„Классово-чуждые и враждебные элементы обманым путем пробрались в партию и остаются там для разложения партийных рядов“...

К таким „классово-чуждым элементам“ „М“ причисляет Евтухова, который „оказался сыном кулака“, и братьев Какичевых — „белых офицеров“...

„Классовый враг“ проник, оказывается, и в печать:

„Классовый враг, действующий тихой сапой, в сво-

ей борьбе старается использовать: чу печатать, прикупить ее, направить ее действия против интересов диктатуры пролетариата.

Под прикрытием нашей большевической печати выступают и не только одни шкурники, но и классово-чуждые элементы. Используя трудности и отдельные ошибки в работе колхозов, допущенные местными работниками, они стараются через печать дискредитировать колхозную систему вообще“.

Кем в действительности являются эти „классовые враги“, казаки знают. Чего они добиваются, — тоже знают.

Даешь ударников по случке!

В Зимовниковском районе открыто новое „искривление“: не все обстоит гладко со... случкой... Корреспондент „Молота“ пытается вывести на чистую воду прямых виновников этого очередного „вредительства“:

„Ход случки в районе предоставлен сам себе, идет самотеком, нет большевической заботы о воспроизводстве. В колхозе им. Шеболдаева 8 кобылиц. Председатель колхоза Пустовой. Из 8 слученных только 2 матки. Пустовой даже не тревожится, что в колхозе творится такое преступление, что колхоз грозит остаться без молодняка. В колхозе имени Скибы из 15 маток случено только 5. Председатель колхоза Ерошенко остается спокойным и равнодушным, как будто это не подрывает борьбы за зажиточную жизнь. Во всем мартиновском сельсовете было случено на 10 мая только 50 коров, 20 свиней и 5 кобылиц! А по всему району из 3017 маток, подлежащих случке, покрыто сейчас далеко меньше половины (на 10 мая — 1269). Только при полном забвении случки, предоставлении дела самотеку можно иметь такое позорное положение в специально животноводческом районе!“ (23 мая).

Для поднятия трудового энтузиазма и для ликвидации всяких „прорывов“ коммунистическая партия посылает обыкновенно испытанных ударников-партийцев... Для того, чтобы случка перестала... итти „самотеком“, мы предлагаем послать на помощь тов. Пустовому и... зимовниковским жеребцам специальную бригаду ударников по случке.

Уголь в Задонских степях.

„Представители геолого-разведочного управления сообщают, что в Задонских степях, в 40 километрах к юго-востоку от реки Дон, у хутора Топялинского, при бурении скважины № 6 Кавказского геолого-гидрогеодезического треста встречены каменноугольные породы на глубине 160 метров от поверхности. Угольные залежи имеются и в станице Раздорской, а также по всему Подонью.

Вместе с антрацитными залежами, открытыми трестом на площади 500 кв. километров, новые открытия увеличивают угленосную площадь в новом Донбассе до 1000 кв. километров.

Разведками установлена угленосная площадь нового Донбасса с промышленным запасом 500 миллионов тонн угля. По мнению специалистов в Сальских и Манычских степях тоже имеются угленосные площади“.

(„М.“ 23 мая).

Розыски.

Казаки с. Чернышевской В. В. Д. П. Серегин разыскивает своего тестя, Никиту Емельяновича Макаренко, проживавшего в Болгарии. Откликнуться по адресу: Mr P. Sereguine, chez J. Adamakine, Palya, Volo, Grèce.

А. С. Тырин просит отозваться вольных казаков джигитов до адресу: A. Tyrin, Wichers, Färjemans g. 14, Hålsingborg. Schweden.

Продолжается подписка на 1934 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунгову знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.